

АЛЕКСАНДР
ПРОЗОРОВ

ЧЕСТЬ ПРОКЛЯТЫХ

БАСАРГИН ПРАВЕЖ

Честь проклятых

Александр Проzorов

Басаргин правеж

«ЭКСМО»

2013

Прозоров А. Д.

Басаргин правед / А. Д. Прозоров — «Эксмо», 2013 — (Честь проклятых)

Продолжение нового цикла Александра Прозорова, автора легендарного «Ведуна» и цикла «Ватага»! Женю Леонтьева, скромного аудитора Счетной палаты и отдаленного потомка боярина Басарги, мучают странные сны. Он видит себя сражающимся с польскими гусарами в далеком шестнадцатом веке. Причем на стороне поляков бьются казаки, а на стороне русских – шведы и французы. Сон оказался в руку. Подруга Жени, красивая и умная девушка Катя, открывает ему глаза на историческую правду, вот уже сотни лет скрываемую орденом иезуитов. Многовековая схватка за обладание убрусом – полотенцем с отпечатком лика Христа – продолжается...

© Прозоров А. Д., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Война школ	5
Старший брат	13
Война школ	26
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Александр Прозоров

Честь проклятых. Басаргин правеж

Война школ

Под низкими черными тучами, в жаркой июльской духоте полки медленно выстраивались в виду высоких каменных стен Твери. Кованая конница вялым неспешным шагом шла на левый край широкого наволока, стрельцы выкатывали гуляй-город на правую сторону, к самой речушке, прикрываемые пятью сотнями детей боярских под рукой опытного воеводы Щербы Котошикина. В центре же стояла уже правильным, ровным прямоугольником мрачная свейская пехота графа Якоба Делагарди, закованная в латы и ошетилившаяся длинными копьями с узкими гранеными наконечниками.

– Епанчу бы накинул, боярин! Не ровен час, моросить начнет... – посоветовал Карасик, попытавшись всучить хозяину выпцветший суконный плащ, навощенный для пущей непромокаемости, но воевода лишь недовольно повел плечами:

– Отстань, без того весь в поту! К полудню, мыслю, и вовсе упаримся... – Воин отер ладню лицо, влажную рыжую бородку, подтянул ремешок шелома вверх, на подбородок, оставив под верхней губой. Уж очень скулы натирал, ровно наждак.

Из-под войлочного подшлемника на брови одна за другой стекали соленые капли, частью застревая в них, частью добираясь до век, отчего глаза тут же начинало щипать. Привкус пота постоянно держался на губах, рубаха неприятно липла к спине, седло промокло насквозь. И немудрено, коли посреди лета приходится толстую войлочную куртку носить, да шаровары стеганые, да шапку из конского волоса. А как без них в походе обойтись? Без поддоспешника и подшлемника от самой прочной брони никакого толку не будет. Железо – оно ведь только от порезов бережет. Сам удар меча или топора войлок и стеганки гасят, именно они кости поломать не дают.

Словно снисходя к людским страданиям, небеса внезапно разверзлись густым холодным ливнем, омывая прохладой лица и руки, но вместе с тем стремительно размягчая землю, напityвая одежду, делая стеганые доспехи втрое тяжелее, затекая в сапоги и за шиворот.

– Вот, проклятье, что же за напасть такая! – Боярин Щерба выхватил епанчу из рук холопа, накинул на плечи, натянул на голову капюшон, быстро стянул перед горлом завязки. – Не будет сегодня дня. Одни мучения. Как началось, тем и...

По ту сторону поля внезапно запели трубы, слышались испуганные вопли и влажное чавканье тысяч копыт по жирной глине. Польской конницы было так много, что ее вой казался оглушительным даже отсюда, с удаления версты. Казаки, шляхта, крылатые гусары вперемешку понеслись на русскую армию дикой визжащей толпой.

– Проклятье! – снова выругался воевода правой руки и, привстав в стременах, что есть силы закричал: – Торопись, православные!!! Быстрее, быстрее гуляй-город ставьте! Не ровен час, ляхи на подходе смять успеют!

Стрельцы, понимая опасность, и без того поспешали как могли: толкали вперед возки со щитами, скидывали, подпирали слегами, выставляли в промежутки между бревенчатыми укреплениями тьюфяки и пищали, разбирали стволы и бердыши, распрягали и уводили лошадей...

Однако лавина из нескольких хоругвей¹ атаковала не их – всей своей многотысячной массой ляхи врезались в кованую конницу полка левой руки, не успевшую еще выстроиться

¹ В XVI–XVIII вв. хоругвью называлось подразделение в польско-литовской армии.

для сечи, и буквально отшвырнули ее со своего пути, опрокинув первые ряды, растолкав средние и решительно врубившись в задние. В считанные мгновения лишились жизни многие сотни воинов – казаков и гусар, напоровшихся на копья конницы, кирасиров и бояр, наколотых на пики, выбитых из седел, опрокинутых на землю и затоптанных лошадьми в кровавое безобразное месиво.

– Проклятье! – уже в третий раз за четверть часа выругался Щерба Котошкин и рванул завязки плаща, сбрасывая его на круп скакуна. – Карасик, рогатину! Сумки долой!

Холоп, только-только закрывший клапан чересседельной сумки, замялся, явно жалея расставаться с добром, спохватился, вытянул из петли копье, передал боярину. Тот перехватил ратовище за середину, привстал в стременах, громко окликаая воинов конной полусотни:

– К оружию, бояре! Щиты в руки, рогатины к бою готовьте! Судьбу сечи Господь в наши руки отдает! Так не посраим чести предков наших, звания русского, доверия царского! За мной, православные! Втопчем погань крылатую в землю отчую! Вперед! Ур-ра-а-а!!!

Он дал шпоры скакуну и послал его вперед, в стремительный разгон за спинами свейской пехоты, не оглядываясь, но всей спиной чувствуя, как сзади, совсем рядом, не жалея лошадей, разгоняются для копейного удара десятки боярских детей со своими верными холопами.

Ляхи, наконец, добились последних храбрецов, пытавшихся устоять перед пришедшими с запада нехристями, не пропустить их в тыл главным силам – большая часть полка левой руки уже бежала, погоняя лошадей и не оглядываясь, страшась столь близко дохнувшей в лицо смерти. Многие сотни из этих воинов даже не вступили в битву, не дотянулись до врага своими копьями и клинками, – однако, потеряв строй, ощутив силу слитного удара вражьей конницы, вытолкнутые со своих мест, они решили, что поражение уже свершилось, шансов уцелеть больше нет, и поддались панике.

Хоругви, казацкие и гусарские, вырвались было на открытое пространство... Вот тут-то в них и врезался стальной кулак щербинской полусотни.

Боярин Котошкин, летя первым, выбрал для себя целью явно знатного шляхтича в золоченых доспехах, с высокими «ангельскими» крылышками, присобаченными к задней луке седла.

– Лови, гусак!!! – нацелил он рогатину ляху в самое сердце.

Тот, дернув поводья, повернул скакуна навстречу, саблей успел отвести наконечник в сторону, но воевода, налетая, вскинул щит, окантовка которого врезалась поганому в лицо, вминая защитную, в виде сердечка, пластину шлема глубоко в кости черепа. Гусар вылетел из седла, а рогатине тут же нашлась другая цель: седобородый крупнотелый казак в нарядном зипуне с нашитыми железными полосками. Копье пробило его насквозь, да еще и в шею скакуна позади угодило. Щерба отпустил ратовище, выхватил саблю, рубанул по голове спрыгнувшего с убитого коня казачка, отбил выпад другого, резанул по животу, принял на щит укол, рубанул в ответ...

– Москва! Москва-а!!! – Боярские дети кололи ляхов и казаков, выбивали из седел, опрокидывали, как еще недавно сами гусары стаптывали полк левой руки. Ведь из своей победной, но жестокой схватки хоругви вышли уже без копий, уже потеряв скорость, заметно устав, оставшись частью без щитов, а то и без мечей, взявшись за кистени и топоры. Казаки доспехов не носили вовсе, гусары своими кирасами и пластинами были прикрыты лишь частично. Свежая полусотня, закованная в кольчуги и бахтерцы, приняв врага сперва на рогатины, а затем на сабли, прошла рыхлую массу из перемешанных в толпу врагов, как раскаленный нож подтаявшее масло, оставив позади широкую кровавую полосу и не потеряв почти ни одного бойца. «Почти» – потому, что полтора десятка бояр лишились скакунов и теперь медленно отступали к шведскому полку, отмахиваясь от наскоков отдельных шляхтичей.

Удар воеводы Котошкина большого урона ляхской коннице не нанес – что такое две сотни убитых для многотысячной рати? Однако наступательный порыв пригасил и настроение

победное испортил. Преследовать разбитый полк хоругви не стали, а повернули на воинов отважной полусотни, надеясь задавить если не мастерством и превосходством оружия, то хотя бы подавляющим числом.

Воевода Щерба безнадежной схватки не принял – срубив двоих вырвавшихся вперед чубатых усачей в расстегнутых на груди рубахах, он отступил в заросли ивняка, где всадники буквально завязли, как птицы в силках, не в силах ни быстро развернуться, ни ускакать. Однако ляхи и казаки в сию ловушку за смертью не полезли, предпочтя повернуть в сторону русского лагеря с его богатым обозом: шатрами, припасами, запасным снаряжением...

Отсюда, из кустов, боярин Котошикин в бессилии наблюдал, как пан Зборовский, продавшийся Тушинскому вору за диплом полковника, собрал хоругви, отступившие после нападения русской полусотни, и, усилив их свежими полками, послал в яростную атаку на полк правой руки, оставшийся без своего скромного прикрытия. Конная лава помчалась через поле на крепость гуляй-города, навстречу своей неминуемой гибели и... И вместо плотного пушечно-пищального залпа, что должен был разметать ляхов свинцовым вихрем, прогрохотало всего несколько десятков выстрелов.

– Чертов дождь! – выдохнул Карасик. – Порох отсырел!

Потеряв всего лишь считанных казаков, конная толпа врзалась в щиты, некоторые попытавшись опрокинуть, некоторые перемахнуть – но по большей части прорываясь в оставленные для пушек промежутки и затеяв со стрельцами жестокую рубку. Не ожидавшие такого сильного напора воины, больше привыкшие полагаться на свои пищали, стали медленно пятиться, сбившись в несколько плотных отрядов и выставив бердыши.

Страшное русское оружие позволяло и колоть, и рубить, и прикрываться, словно щитом, – а потому за каждый свой наскок на эти отряды казаки и гусары платили десятками погибших. Увы, отступающие к дороге на Торжок стрельцы тоже оставляли за собой на поле немало безжизненных тел.

Впрочем, если бы защитники гуляй-города бежали в панике – ляхи порубили бы всех до единого. А так – отступали с малой кровью. Тем более что преследователей оставалось все меньше. Опрокинув полки правой и левой руки, пан Зборовский замкнул в окружение большой полк русской армии и теперь направлял всех своих воинов, что еще сохранили остатки дисциплины, на уничтожение главной силы русской армии – десяти тысячного полка свейских копейщиков.

– За мной, за мной... – поторопил боярских детей воевода Котошикин и стал выбирать из зарослей. Про полусотню в горячке битвы все успели забыть, и потому воины смогли без помех выйти обратно на открытое место, подняться в седла и галопом помчаться вслед отступившей коннице.

Настичь улепетывающих вдоль Тверцы витязей боярину удалось часа за два. Не видя преследователей, кованая конница сперва перешла на рысь, потом на шаг. Разумеется, нашлись трусы, что неслись без оглядки, загоня лошадей насмерть, но большинство воинов, постепенно успокаивались, натягивали поводья, вспоминали о чести и совести... Их-то, самых последних, уже устыдившихся своей внезапной трусости, и нагнал первыми воевода Щерба:

– Что же вы делаете, христиане?! – осадив взмыленного скакуна, закричал кирасирам боярин. – Там братья ваши, друзья, соратники кровь свою проливают, а вы, ровно зайцы, по кустам прячетесь?! Тени своей боитесь, от шорохов бегаєте! Что отцы ваши седовласые скажут, о позоре таком сыновей своих узнав?! Как дети имя свое называть смогут, таким позором покрытое?! Как домой вернетесь, чем перед женами и матерями оправдываться станете?! И был бы враг пред вами какой – а то ведь ляхи вороватые, сброд подзаборный, токмо на крики и способный! Ну же, воины, вспомните о звании своем, о предках своих славных, о детях, что гордиться вами должны, а не стыдиться отцов подобных. За мной, воины! Покажем ляхам, кто

на поле бранном настоящий хозяин! Ко мне! Сюда собирайтесь! Сюда! Вернем полку своему славу достойную!!!

Беглецы послушались, стали подтягиваться на его призыв, и вскоре возле Щербы Котошкина собралось уже несколько сотен закованных в броню ратников. Увы, при всем своем желании вернуться назад как можно скорее, воевода не мог просто развернуться и поскакать обратно. Его выдохшийся после долгой скачки скакун просто упал бы от усталости. Да и у остальной полусотни лошади выглядели не лучше. Пришлось вести собранный отряд шагом, давая коням отдых. Но сейчас эта неторопливость была только на руку сбежавшему с поля боя полку левой руки. Неторопливая, уверенная поступь успокаивала тех, кто отозвался на призыв воеводы вернуться под русские знамена, давала время другим усовестившимся ратникам нагнать свой полк и примкнуть к его рядам. Всех кирасиров Щерба Котошкин собрать, конечно, не мог, но где-то тысячи две вернуться на поле брани убедил – больше половины разбежавшегося полка.

Погоня за беглецами заняла два часа, возвращение назад – почти четыре. Поэтому воевода всерьез опасался найти возле Тулы только залитое кровью, заваленное телами убитых поле и веселящихся победителей. Однако, когда за излучиной открылся просторный наволоок, на котором началось сражение, – то боярин Щерба с облегчением и некоторым удивлением увидел на нем, в окружении конной толпы ляхов, хмурый свейский прямоугольник: копейщики упрямо стояли на прежнем месте, словно скала посреди бушующего моря. Гусары то и дело пытались наскакать на плотный строй то с одной, то с другой стороны – но только понапрасну теряли лошадей и воинов. Воины графа Делагарди стояли твердо, не поддаваясь ни на угрозы, ни на лесть, ни на посулы золота, ни на соблазны перейти на службу королю Владиславу.

Стрельцы тоже уцелели – отступив до самой дороги на Торжок, они перекрыли тракт и укрепились там, ошетилившись бердышами. Перед ними валялись десятки мертвых казаков и немало убитых лошадей. Уцелевшие ляхи держались поодаль, ограничиваясь обидными выкриками. Все, чего удалось добиться за день пану Зборовскому и его многотысячной армии – так это дотла разорить пустующий русский лагерь и захватить пушки... совершенно бесполезные из-за незатихающего ни на миг дождя. Порох отсырел у всех, и над полем брани не слышно было ни единого выстрела и не видно ни одного белого дымного облачка.

– Москва! Москва! – Воевода Котошкин, пользуясь неожиданностью своего появления, задерживаться на краю поля не стал, сразу повел собранные сотни в атаку, для стрельцов и свеев обозначив свою принадлежность громким и понятным кличем: – Москва-а-а-а!!!

Казаки, не дожидаясь сшибки, тут же прыгнули в стороны, словно стая спугнутых с поля воробьев, во весь опор помчались к своему лагерю. Хуже пришлось грабителям, что тащили из русского лагеря мешки и узлы, скрученные ковры и охапки оружия. Они были пешими...

Русские сотни рассыпались по всему полю широким полумесяцем, понеслись через чавкающую глину. Сверкнули серебром обнаженные клинки, соскучившиеся по крови поганцев...

Боярин Щерба, как вел сотни, так и в атаку помчался первым, прикрыв левый бок и колено щитом, в правой сжимая саблю и управляя скакуном одними ногами. Грабители улепетывали, поминутно оглядываясь и бросая поклажу, – но далеко ли ногами от всадника-то убежишь?

Налетев на отстающих, не придерживая коня, воевода рубанул каракулевую шапку справа, тут же махнул налево, рассекая овчинную безрукавку, опять ударил вправо. Тать успел отреагировать, резко наклонился, уворачиваясь от грозно свистнувшего в воздухе клинка, – но потерял равновесие, взмахнул руками, разбрасывая монеты, рухнул в грязь, и по распластавшемуся телу тут же прошли копыта кирасирского коня, скачущего почти стремя в стремя с воеводским.

Очередной тать, повернувшись, вскинул над головой тюк, закрываясь от отточенной сабли, но боярин лишь поддернул оружие выше и, промчавшись мимо, хлестко рубанул его

кончиком клинка чуть ниже лопаток. Двух самых шустрых из мародеров Щерба Котошкин просто сбил грудью коня и вырвался на открытое пространство. Ненадолго открытое – ибо навстречу новому врагу уже поворачивали крикливые крылатые гусары.

Две конные лавы. Обе – уже давно растерявшие пики и рогатины, обе – порядком уставшие за долгий день, обе – забывшие про правильный строй и плотный таранный удар. Клинки в клинки, глаза в глаза, отвага против отваги.

Воевода опять выбрал для себя самого знатного из ляхов – в вороненых доспехах с вычурным, наведенным золотом рисунком. Но в последний миг путь ему заступил плечистый рыжеусый всадник на крупном скакуне, оказавшийся на две головы выше. Пользуясь ростом, враг рубанул Щербу из-за головы, еще и привстав на стременах, – однако опытный боярин вскинул щит только до уровня глаз и потому заметил, как в последний миг лях слегка подправил удар, метясь уже не в голову, а по колену. Щерба толкнул левую руку вперед, подставляя лезвию умбон², и тут же, под прикрытием деревянного диска, уколол врага под мышку, благо гусарские доспехи прикрывали плечи только сверху. Великан повалился – но знатного ляха за ним уже не оказалось, вместо богатого пана там обнаружился безусый юнец с испуганно округлившимися голубыми глазами. Тем не менее палашом он взмахнул весьма рьяно – воевода едва успел прикрыть лицо саблей, тут же ударил щитом вниз, самым краем, в выставленное колено, а когда юнец запоздало дернул вниз щитом – быстро и точно кольнул его в горло.

Ненадолго слева стало свободно – три лошади без всадников отгораживали воеводу от жаждущих боя гусар. Посему боярин всем телом повернулся вправо, уколол саблей ляжку шляхтича, дерущегося с кирасиром, окантовкой щита ударил в плечо казака, увлеченного схваткой с холопом в панцирной кольчуге, отбил меч другого, кольнул под локоть...

Слева надвинулась тень – Щерба повернулся навстречу, ударил щитом по щиту, попытался уколоть сбоку, ощутил, как вражеский клинок скребнул по плечу его самого. Однако кольчуга выдержала, и они с ляхом разъехались, не причинив друг другу никакого вреда. Гусар попытался развернуться – но его цапанул за окантовку топор Карасика, и тут же в горло воткнулся нож...

А на воеводу налетел чубатый и брюхатый казак с пышными усами, взмахнул шестопером³. Боярин прикрылся щитом, понизу нанес сильный укол в живот, ощутив в руке сопротивление рассекаемой плоти, приоткрылся – и успел заметить пластины стремительного шестопера только возле самого лба.

– Боже... – Все, что он успел сделать, так это чуть наклониться, подставляя вместо лица край шлема, и в тот же миг его голова взорвалась...

– А-а-а, черт!!! – дернулся от боли Женя, резко приподнялся в постели и торопливо отполз назад, все еще видя перед собой летящее прямо в глаза оружие, чувствуя боль от жестокого удара.

– Чего орешь, будто оглашенный-то? – широко зевнув, приподнялась на тахте Катя. – Волки за бок укусили?

– Опять примерещилось... – тяжело перевел дух молодой человек.

Женя Леонтьев умирал во сне уже не в первый раз, однако привыкнуть к этому никак не мог. Слишком уж явственно, натуралистично все происходило. Запахи, тяжесть брони, усталость, страх и ярость, боль от ударов – все было ярким, живым, настоящим.

Вот и сейчас, все еще ощущая место, куда врезался шестопер, он невольно ощущал голову с левой стороны.

– Опять клад? – живо заинтересовалась девица, спустив ноги на пол.

² Умбон – выступ на щите, прикрывающий вырез для руки над рукоятью. Обычно делался в виде железной чашки, но нередко являлся украшением и даже оружием, когда к нему крепился прямой обоюдоострый клинок.

³ Шестопер – разновидность палицы, навершие которой собрано из толстых железных пластин. Оружие столь древнее, что даже в Средние века уже было по большей части церемониальным.

На два месяца к себе в квартиру Евгений заезжую «лимитчицу» все-таки пустил. Проиграл в споре – значит, проиграл, нужно быть честным. Однако спал отдельно, стеля себе на полу туристический матрасик.

– Нет, какая-то бредятина, – покачал головой молодой человек. – Будто я вместе со шведами и какими-то кирасирами против поляков возле Тулы сражаюсь. Я даже фамилию польского воеводы откуда-то знал... Пан Зуб... Зборский...

– Зборовский? – закончила вместо него Екатерина. – А шведами командовал граф Якоб Делагарди?

– Откуда ты знаешь?

– Господи, ну почему ты посылаешь такие сны не мне, а какому-то безграмотному олуху?! – вскинув руки к потолку, простонала девушка. – Он даже не слышал про Тверскую битву тысяча шестьсот девятого года! Битву, в которой французы в первые же часы бежали, а русские отступили, и только шведы-то дрались против шляхты весь день в полном окружении, до самого возвращения союзников, после чего поляков успешно вырезали чуть не до последнего человека.

– Французы? – не поверил своим ушам Женя.

– А чего, в твоём сне их не было? – ехидно прищурилась девушка.

– Ну... Какие-то кирасиры в полку левой руки стояли... – признал Леонтьев, почесав в затылке, и тут же застонал от боли: от резкого движения сильно заболела голова, садня в месте удара.

– Ага, ага! – обрадовалась Катя.

– Чего «ага»? – поморщился Женя. – Это ведь Смутное время, правильно? Но ведь тогда шведы в Россию вторглись вскоре после поляков! Почему же они вместе со мной на одной стороне сражались?

– Это ты со школы про агрессию Швеции помнишь? – вскинув брови, поинтересовалась Катя. – Прими мои соболезнования.

– Давай поменьше гонору, красотка, – не выдержал Женя. – Или я перестану быть добрым и честным, а ты через десять минут перестанешь жить в моей квартире.

– Да ладно, не кипятись, – примирительно проговорила девушка. – Ты не виноват, что у нас девяносто процентов населения знают о своем прошлом на уровне школьной «фолькс-истории». Просто в России так сложилось, что историй существует целых три. Первая – официальная. Этакая залипушка для бедных, чтобы мозги зря себе не забивали. Немножко мусора в голове для галочки в аттестате. Вторая история – научная, и официальной истории до нее – как из Саранска до созвездия Гончих Псов. Ты про Фоменко-то с Носовским когда-нибудь слышал?

– Еще бы...

– Так вот, если бы они поинтересовались, что русская научная история говорит про историю официальную, у них даже на ногах-то волосы встали бы дыбом от ужаса. Например, по официальной истории, Москва основана в двенадцатом веке, а по научной – в восьмом веке до нашей эры. По официальной истории, в тринадцатом веке было монгольское нашествие, а по научной – никакого государства у монголов отродясь не появлялось. В официальной истории Русь основана скандинавами, а в научной эта версия считается бредом умалишенных. Причем акт научной экспертизы с этим утверждением опубликован Академией наук в две тысячи восьмом году, а в учебнике для нищих от две тысячи девятого «бред умалишенных» продолжает официально преподаваться как истина. Вот и «шведская агрессия» того же поля ягодка. По «официозу», шведы вторгались, а по архивам МИДа России между нашими странами был заключен официальный союзный договор о войне против ляхов до победного конца. Причем этот договор уже лет тридцать назад опубликован.

– Ты так говоришь, будто кто-то намеренно делает из нас дураков, – поморщился Леонтьев. – Конспирология на марше...

– Воспитывая из людей дураков, потом имеешь с ними меньше проблем, – пожалла плечами девушка. – Чем активно-то пользуются все, кто имеет такую возможность. И, кстати... Аккурат через сто лет после того, как шведский полк по факту проложил для русской армии дорогу к Москве, Петр Первый всю отвоевывал у шведов те самые земли, которыми царь Василий Шуйский заплатил им за пролитую кровь. Как думаешь, у Петра был интерес выставить бывших союзников злыми агрессорами или это тоже чистая конспирология?

– При Петре Первом, помнится, еще не было централизованной системы образования вроде современной.

– Ничего, церковь-то справлялась с цензурой не хуже, – заверила его Екатерина. – В результате князь Владимир оказался «Красным Солнышком» и крестителем Руси, христианство победило язычество тысячу лет назад, а до того момента славяне как бы и вовсе не существовали. Были зверем двуногим, рыкающим и никчемным.

– А на самом деле? – подначил квартирантку молодой человек.

– Ну, на самом деле к восьмому веку Русь была крупнейшим производителем оружия на континенте, торгуя знаменитыми харалужными клинками в обмен на арабское и персидское серебро, кладами из которого по сей день берега русских рек завалены; язычество было широко распространено на Руси как минимум до восемнадцатого века, что подтверждается находками многих сотен змеевиков, полуязыческих, полуправославных. Причем один из этих амулетов принадлежал лично Ивану Грозному и хранится в иконостасе Троице-Сергиевой лавры. Что касается Владимира Красно Солнышко, то известен он не только крещением Руси, но и многоженством, разбоями, вымогательством и, самое главное, – строительством святилищ в честь бога Перуна. Некоторые из которых действуют-то по сей день. Например, в том самом Новгороде, из которого ты в своем сне наступал на Лжедмитрия, по приказу князя Владимира построено святилище Перынь. Кому оно посвящено, ты сам должен догадаться по названию.

– Но ведь после крещения князь приказал утопить идолы Перуна!

– Что не мешает Перыни благополучно функционировать по сей день, – ехидно ухмыльнулась девушка. – Ну как, ты все еще не веришь, что в школе вместо обучения истории тебе промывали мозги?

– Хочешь сказать, там до сих пор действует языческое святилище?

– Странные вы люди, ей-богу, – откинувшись обратно на постель, хмыкнула Катя. – Когда вам говорят, что праздник Ивана Купалы насквозь языческий и к Ивану Крестителю отношения не имеет, это никого-то не удивляет. Когда говорят, что культ Параскевы Пятницы продолжает культ Макоши, – это нормально. Когда говорят, что Илья-пророк суть двойник Перуна, все согласны. А когда на воротах монастыря прямо пишут: «Посвящен богу Перуну» – вам обязательно языческий идол внутри подавай.

– Хочешь сказать, капище в монастыре никто не уничтожал? Летописи врут?

– Во-первых, летописи не сохранились, о том времени мы знаем только в пересказах шестнадцатых-семнадцатых веков, злостно противоречащих археологическим данным. А во-вторых, все летописи писались в монастырях. Изучать историю по православным летописям – это все равно что исследовать современную науку по справочнику, посвященному квантовой физике. То есть физику ты после этого будешь знать отлично. Но вот о существовании географии или биологии хрен догадаешься. Вот так-то и здесь. О язычестве на Руси мы догадываемся лишь из редких оговорок Вселенского собора, который аж в семнадцатом веке осуждает обычай проводить свадьбы священниками совместно с волхвами вокруг ракитового куста или по языческим амулетам, что находят то в крестьянских божницах девятнадцатого века, то среди царских даров монастырям в семнадцатом. И что об этом пишут христианнейшие летописцы? А ничего. Молчок. С Перынью та же самая история. Сама она вроде как есть, а вот

кому в ней издревле поклоняются – молчок. Кстати, забавное-то совпадение. Перынь эта... – Девушка внезапно осеклась. А спустя несколько минут вскочила и стала спешно одеваться: – Боже, какая же я дура! Как я сразу не догадалась? Женя, кажись, я знаю, что это за школа, на которую ты наткнулся, и за что тебя пытались убить. Надо только кое-что проверить. Ты как, согласен на прежние условия? С тебя жратва, с меня информация, добыча пополам?

– О чем это ты догадалась? – Глядя на Катю, молодой человек тоже поднялся.

– Перынь... Этот монастырь тоже относится к числу закрытых в иезуитскую эпоху. Помнишь, мы заметили, что все обители, на которые выводят ниточки нашего расследования, были уничтожены иезуитами? Так вот, у них есть еще одна общая черта: все они были восстановлены только в наше время. Вестимо, организация, устроившая на тебя охоту, набрала силу только сейчас. Перынь, в отличие от всех прочих монастырей, была восстановлена в девятнадцатом веке. Причем с большим скандалом. И, похоже, только теперь и только мы двое догадываемся, почему. Надеюсь, нам с этого дела обломятся хоть какие-нибудь «няшечки» помимо морального удовлетворения. Нужно только чуток эту тему копнуть.

– А можно объяснить все это более внятно, для бухгалтеров?

– Можно, – согласно кивнула Катя, натягивая футболку. – Очень похоже, что в конце восемнадцатого века в России случилась большая и серьезная война, о которой ни одна собака даже не подозревает.

– Разве такое возможно?

– Еще как! Помнишь, я говорила тебе, что у нас в России существует три истории? Первая – это официальная. Политически мотивированная бредятина для малограмотной толпы. Вторая – научная, которая основана на документах и археологии. Третья история – это история реальная. О ней мы знаем-то меньше всего, поскольку простых летописцев к важным государственным тайнам никто никогда не подпускал и от творящихся в тиши дворцовых покоев интриг не осталось никаких археологических слоев. Но именно там, вдали от чужих глаз, и происходило самое главное и интересное. То, что для нас всплывает лишь изредка необъяснимыми загадками в событиях или странных поступках тех или иных известных людей.

Старший брат

Разумеется, ни в монастырских летописях, ни в государевых архивах не осталось известий и о том, как в начале зимы тысяча пятьсот шестьдесят четвертого года в Боровицкие ворота Московского Кремля вошел юродивый, несмотря на мороз, одетый лишь в лохмотья рубахи домотканого полотна, в обмотки на ступнях и вериги на толстых ржавых цепях – если, конечно, сие орудие пытки можно было назвать одеждой.

– А изо города, изо Пскова я к вам сюда нонеча да пожаловал, – приподняв на плечах цепи, слегка позвенел ими блаженный. – К государю нонешнему да от царя истинного, небесного. Слово великого князя московского москалю Ивашке передать. Вы к нему бегите, сказывайте, Никола Салос к нему заглянул. А то, не ровен час, великий и сам сюда заявится.

Юродивый глумливо хихикнул, поплясал между створками, медленно кружась:

– Гости-гости, гости-гости. Будет полон дом гостей... – после чего медленно прошел на двор.

Остановить его никто из стражников не рискнул. Наоборот – торопливо перекрестившись, еще и несколько мелких монеток в руку нищему сунули. Известное дело, с колдунами чухонскими стакнуться и то безопаснее, нежели с блаженным связаться. Они ведь не токмо исцелять и осчастливливать умеют, но и карают иной раз, ровно гнев Господень. А награды он тебя сочтет достойным али кары – поди угадай? Одну и ту же краюху ему подадут, одно и то же доброе слово в ответ скажут – но один даритель разбогатеет и по гроб жизни сытым станет, а другой обнищает и каждой корке хлебной будет радоваться. Прикосновение одной и той же руки одного исцелит, другого парализует. Вон, Василий Блаженный, любимец царский... Уж на что добротой и милостивостью известен! Однако же, когда несколько шутников подаренную ему шубу себе на похороны попросили, шубу сию получив – тут же и померли.

Не, блаженных, что ни говори, лучше не касаться, не спорить с ними и без особой нужды дальней стороною обходить. А встретив – одарить тем, что имеешь, хоть малой толикой, и молиться за себя попросить. Коли повезет и сие юродивый исполнит – его слово на небесах за слова тысячи праведников зачтутся.

– Семен Юрьич, во дворец царский обернись, упреди рынд тамошних о госте, – проводив странного визитера взглядом, приказал одному из бояр старший караула. – Пусть они разбираются, вязать его или награждать, святой он али лиходей? Молви, оружия при госте не нашли и Христа ради пропустили.

Воевода перекрестился и добавил:

– Хотя, мыслю, рынды сего решать тоже не посмеют. Карать юродивого али награждать за истовость веры – то дело царское. Надеюсь, блаженный знает, зачем явился. Не то гнить ему в патриарших подвалах до второго пришествия. И вместо хлеба кнутом на дыбе каженный день потчеваться.

Не осталось в архивах записей и о том, что обратно во Псков блаженный уехал на подаренных государем санях, в царской шубе и под охраной стрелецкой полусотни и что почти одновременно с этим из Москвы на Вагу умчался на почтовых лошадях гонец, получивший приказ не останавливаться ни днем ни ночью.

Все, что известно историкам о тех событиях, – так это неожиданный приказ Иоанна Грозного, предписывающий доставить ему для личного ознакомления все документы, связанные с преподобной мученицей Софией Суздальской, в миру – великой княгиней Соломонией Юрьевой, из рода бояр Сабуровых, первой женой великого князя Василия, отца⁴ повелителя Руси.

⁴ Данный факт авторским вымыслом не является. Согласно описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа

Мчаться на почтовых лошадях – это вам не обычная нудная и долгая езда. На почтовых за час больший путь пролетать успеваешь, нежели простой путник за день проезжает. Возком от Москвы до поважских земель – не меньше двух месяцев добираться. Почтовые же скакуны, ровно птицы, всего за двое суток вестников доносят. Чернила на грамоте толком высохнуть не успели – а царский подьячий в далеких землях уже ломал на ней печать.

Ввиду явленной царским письмом срочности, боярин Басарга Леонтьев мешкать не стал. Наскоро собрался, расцеловал на прощание княжну Мирославу, на рассвете вместе с верным холопом поднялся в седло и так же, на почтовых, метнулся в столицу, останавливаясь, лишь чтобы переседлать скакунов да наскоро перехватить какой еды в придорожном яме. Из-за него же, высказанного государем нетерпения, на свое московское подворье Басарга заворачивать не стал, сразу направился ко дворцу, показав в воротах и на крыльце письмо с личной печатью повелителя.

В этот раз государь принял боярина Басаргу Леонтьева не в личных покоях, а в посольской зале. Причем обширные четырехстолпные расписные палаты были совершенно пусты, а для беседы Иоанн отвел своего верного доверенного слугу к окну, выходящему на Архангельский собор. И там долго молчал, глядя через тусклую волнистую слюду на белоснежные стены церкви и перебирая пальцами яхонтовые разноцветные четки.

Одет царь был торжественно: в красную соболью шубу поверх украшенной золотой вышивкой и самоцветами ферязи, в высокую горлатную шапку с большим рубином на лбу, в широкое золотое оплечье не меньше полупуда весом. Басарга уже и забыл, когда видел правителя Руси таким величественным. Ведь на пиры и торжественные приемы его не звали, а в личных покоях Иоанн одевался куда проще. Боярину было страшно любопытно, зачем царь вызвал его к себе с такой поспешностью, почему вышел к слуге немедленно, едва только узнал о его появлении, бросив какую-то из церемоний и каких-то несомненно знатных гостей? Однако Басарга молчал, соблюдая этикет и боярское достоинство, и ушел бы, не задавая вопросов, даже если бы Иоанн так и не произнес ни одного слова.

– Приходил ко мне из Пскова святой человек, – наконец еле слышно произнес государь. – Никола Салос, Христа ради юродивый. Они, известное дело, о том часто вслух рассказывают, о чем иные смертные и в мыслях подумать опасаются...

Иоанн снова надолго замолчал, играя четками. Басарга терпеливо ждал продолжения.

– Сказывал юродивый, зело мною бояре знатные недовольны. Тем недовольны, что рати я немалые собрал, токмо мне и никому более послушные. Тут и «избранная тысяча», и полки стрелецкие, и казаки донские. И так выходит, что в опоре на думу боярскую, на благоволение княжеское я более не нуждаюсь. Опасаются они, что я намерен токмо на Земские соборы все-народные опираться и волю мирскую исполнять. Они же при сем лишь одними из многих окажутся. Недовольны, что кормления я воеводские отменил, суд и власть людям местным отдав, старостам, им самими выбираемым – и тем бояр знатных изрядного прибытка лишил. Недовольны они, что к службе я бояр худородных привлекаю и тем князей и бояр знатных мест лишаю. И еще многие обиды мне поминают.

– Про тот ропот многим верным слугам твоим ведомо, государь, – признал Басарга. – Да токмо кто они такие супротив помазанника Божьего? Коли взбунтоваться и захотят, никто на их сторону не встанет.

– О том и речь, Басарга. О звании помазанника Божьего, – повернул к нему голову Иоанн. – Тебе одному, избраннику небес, не раз преданность свою доказавшему, тайну великую доверю. Сказывал юродивый, что не по праву наследному стол сей я занимаю, а благодаря заговору родов Шуйских и Скопинских супротив рода Сабуровского. Что в борьбе супротив

Сабуровых бояре сии митрополита низложили и отца моего к разводу принудили, беременную великую княгиню Соломонию в монастырь отправив.

– Сказывали, по бездетности княгини сей брак был расторгнут... – неуверенно ответил Басарга. Как все жители русской земли, о событиях в жизни правящего рода он кое-что знал. О чем-то громогласно священники во время проповедей вещали, провозглашая здравницы ново-рожденным или поминая усопших, о чем-то слухи разные доходили. Кто-то что-то слышал, кто-то что-то видел, кто-то проведенным поспешил поделиться. А правда, нет – поди догадайся. – Вроде как супруга первая отца твоего после долгого бесплодного брака постриг приняла.

– И я так мыслил, – кивнул царь. – Однако же, после встречи с юродивым, митрополита Афанасия о сем с пристрастием расспросил. Тот многое сказанное псковским юродивым подтвердил. Добавив, однако, что рожденного в обители царевича Шуйские извели, дабы тот на престол не взошел, Сабуровых к власти вознеся. Теперь митрополит вдруг в отставку зело запросился. Устал, сказывает, от тягот служения... – Иоанн постучал пальцами по подоконнику: – Нечисто тут чего-то, Басарга. Либо стыдно ему невыносимо, либо скрывает нечто важное. Юродивый молвил: жив царевич. А коли так, то он, а не я, есть царь законный и помазанник Божий. И бояре недовольные, что до сего супротив Сабуровых сплотились и переворот устроили, ныне супротив меня округ Сабуровых сплываются, дыбы законного царевича из долгого изгнания вернуть, а меня низвергнуть. И тут, коли все по обычаю и закону случится, то и бунтовать супротив сего никто не станет. Да и мне противиться не след, ибо о старшем брате моем речь идет.

Боярин облизнул враз пересохшие губы, приоткрыл было рот, но тут же закрыл, не зная, что сказать. Если у Иоанна есть старший брат – то он, понятно, имеет куда больше прав править Русью, нежели нынешний царь, тут спорить трудно. Царский двор на виду живет, в нем ничего не утаишь. Пусть даже царица и в изгнании, свидетелей рождения ею ребенка всегда найдется в достатке. Так что и доказательств происхождения первенца будет сколько угодно.

Странно только, что о сем царевиче ныне ничего не ведомо...

– Странно токмо, что о царевиче сем мне так мало ведомо, – вслух повторил мысли подъячего Иоанн. – Все знают: и Шуйские, и Сабуровы, и Курбские, и Салтыковы, и Колычевы, и Челяднины. Один я ровно с бельмами на очах брожу. Однако же не у супротивников своих мне о сем спрашивать?

Иоанн отвернулся к окну, снова стал перебирать четки.

– Ты ныне подъячий приказа Монастырского, – сказал холодной слюде государь, – часто с проверками по монастырям едешь. Посему проверка тобою еще одной обители удивления не вызовет. Секреты ты хранить умеешь, давно сие доказал. И доверяю я тебе, ровно себе самому. Посему тебе поручаю сыск подробнейший учинить и на все вопросы ответить в точности. Тебя отныне велено пропускать ко мне, где бы я ни был. Сказано, что поручение имеешь особое. Посему тайком можешь более не пробираться... Однако же внимания к себе все едино старайся не привлекать. Дабы быстрее ты с сим поручением управился, вот тебе полста рублей, о расходах не задумывайся. – Иоанн, зажав в кулаке четки, другой рукой снял с пояса и протянул боярину тяжелый бархатный кошель. – Теперь поспедай, я в нетерпении.

– Не беспокойся, государь, мигом обернусь, – с поклоном отступил Басарга, на ходу пряча деньги за пазуху, и торопливо направился к дверям.

К своему подворью, в очередной раз брошенному без присмотра почти на полгода в самом центре Москвы, боярин ехал с тяжелым сердцем, ожидая увидеть разор и пустоту – ну не по средствам ему было дворню при пустом доме содержать! Да и слуг столь доверенных, увы, встретишь нечасто. Однако в очередной раз его ждал приятный сюрприз: расчищенные от снега подъезд и ворота, идущий из трубы дым и светлые окна.

– Да не может быть! – Он спешил перед калиткой, кинул поводья скакуна на коновязь, быстрым шагом забежал на двор, толкнул дверь жарко натопленного дома и довольно расхохотался, увидев рассевшихся за столом хмельных бояр:

– Побратимы!

– Басарга! Брат! Друзе! – вскочили навстречу его товарищи и раскрыли объятия.

– Илья, дружище! Да ты, смотрю, на семейных-то харчах уже раздобрел изрядно! – Малорослый боярин, едва достававший макушкой подъячему до плеча, на самом деле в весе ничуть не прибавил, однако же рыжие усы и борода, ранее почти незаметные, ныне загустели, придавая воину солидности.

Басарга отпустил Илью, обнял Тимофея Заболоцкого:

– Да и ты подрос после женитьбы!

Кареглазый великан только с усмешкой крикнул, с силой похлопав его по спине.

– Ну, а ты, друже, ничуть не изменился, – последним подъячий обнял Софония, такого же смуглого, худощавого и темноглазого, с острой, на немецкий манер, бородкой и узкими тонкими усами, как было и в день их первой встречи.

– Спасибо тебе, друже, выручил! – вернувшись к столу, поднял кубок Илья Булдин. – Обрыдла мне уже эта маета деревенская. Гречка да просо, оброк да барщина, за угодами досмотри, ловы проверь, десятину сочти... Тьфу, тоска смертная! Уж не ведаю, чего батюшка так домой из похода стремился? Мне сия морока на уделе на три года поперек горла, ровно кость рыба, встала. Твое здоровье, Басарга!

– А ты, вижу, столь высоко ныне вознесся, что уже с царскими гонцами письма свои рассылаешь? – уважительно спросил Тимофей, тоже возвращаясь к столу. – Как вестник твой через город наш проскакал, так все старосты и бояре мне аж в пояс кланяться начали.

– Я? – удивился Басарга. – Да я сам в Москву токмо три часа назад на почтовых влетел!

– Вестимо, мудрый человек, тебя позвавший, помыслил и о том, чтобы ты в одиночестве не скучал, – резонно ответил Софоний, безуспешно пытаясь закрутить левый кончик коротко остриженных усов. – А чего это вы поодиночке пьете, побратимы? Коли встретились, братчину надобно наполнять!

– Братчину, братчину! – обрадовался Илья. – Эх, давненько я чашу нашу за рукояти не держал!

– Да, давно мы чашу нашу побратимскую по кругу не пускали! – согласился Басарга. – Эй, Тришка-Платошка! Глянь, как там с пивом в погребе моем? Коли не хватит, так на торг бежать надобно. Тришка! – Боярин чуть выждал, дожидаясь ответа, спросил: – Други, вы холопа моего не видели?

– Полагаю, спит где-нибудь за печкой, – пожал плечами Софоний. – Вы ведь, как понимаю, на почтовых неслись, двое суток без сна и отдыха? Немудрено, что его сморило, едва в теплый дом попал да каши навернул. Скажи лучше, пока холопы с лошадьми на дворе заняты, что за нужда такая нас всех из домов внезапно выдернула?

– Нужда такая, други, – расстегнув ремень, Басарга повесил подбитый горностаем зипун на крюк у двери, поправил короткий стеганный поддоспешник, снова опоясался. – Нужда такая, что завтра нам на перекладных в Суздаль скакать надлежит. О первых днях пострига великой княгини Соломонии государь желает знать все в подробностях. Как себя вела, не случилась ли тяжелой, и коли случилась, то кем от бремени разрешилась и что с ребенком случилось?

– Во-от, проклятье!!! – поморщился, будто от боли, боярин Зорин, спешно налил себе полный кубок вина и сразу весь осушил крупными глотками.

– Что такое, друже? Зуб прихватило? – забеспокоился боярин Заболоцкий.

– Уж лучше бы зуб! – Софоний налил себе еще. – А вдруг у нее сын родился? Тогда, выходит, у Руси более законный, нежели нынешний, царь имеется. Таковые тайны относятся

к числу тех, каковые знать зело опасно. Ибо правители любят избавляться от секретов вместе с головами, в коих они осели.

– Это уже не тайна. – Басарга тоже присел к столу, выпил, придвинул к себе блюдо с жареными пескарями, начал жадно есть. – Юродивый к Иоанну приходил, Никола Псковский. Он государя и предупредил.

– Все едино, братья, советую сегодня же всем кольчуги под одежду надеть и не снимать ни днем ни ночью, – сказал боярин Зорин. – И саблю всегда под рукою держать да о засапожнике позаботиться.

– Эх ты загнул, друже, – рассмеялся Илья. – А коли краля какая ко мне под одеяло заберется? А я в железе!

– Мыслю я, коли и заберется, так с ножом али кистенем. Так что железо токмо на пользу будет.

– Тьфу, тьфу, типун тебе на язык! – замахал на него руками малорослый боярин. – Скажешь тоже... А ты как мыслишь, Басарга? Надобно нам в таком страхе жить али можно и налегке путешествовать?

Но боярин Леонтьев ничего не ответил. Немного перекусив и разомлев в тепле, он уже крепко спал, уронив голову на сложенные перед блюдом с пескарями руки.

– Эй, ты чего? – возмутился боярин Илья. – А братчина?!

– Оставь его, друже, – остановил протянутую было Буданиным руку Тимофей Заболоцкий. – Пусть хоть немного отдохнет. Завтра ведь, как я понял, всем нам снова в седло?

* * *

Сверкающий чистой белизной суздальский Покровский монастырь почти не различался на фоне искрящихся под ослепительным солнцем снегов. Светло-зеленые кровли угловых башен, храмов и прочих монастырских построек терялись на фоне яркого неба, и печальный звон созывающих прихожан к вечерне колоколов доносился, казалось, прямо из пустоты. Лишь когда до стен обители оставалось всего лишь полверсты, среди ровной белизны внезапно возник образ Иисуса, вззирающего на гостей со стены надвратной церкви, а вслед за тем соткался из ничего и сам храм, и трехсаженные стены по сторонам, и высокие здания с крохотными высокими окнами в окружении овальных кокошников.

Спешившись перед воротами, бояре перекрестились на икону, вошли на двор обители. Опытным взглядом Басарга определил трапезную – самый большой и богатый дом каждого монастыря, – повернул к ней, набросил поводья на брус коновязи, предоставив смотреть за лошадью холопам, первым быстро поднялся по ступеням крыльца, толкнул дверь и в теплых каменных палатах с низкими толстыми сводами кивнул метнувшейся навстречу молодой послушнице в светлой рясе:

– Доброго дня, сестра! Позови ко мне настоятельницу и вели расходные книги приготовить. Сказывай, боярин Леонтьев прискакал, подъячий Монастырского приказа. С дознанием.

– Ой, прости Господи! – испуганно шарахнулась юная служительница Всевышнего. – Сей час матушку Вассу призову! Вы здесь обождите!

Послушница убежала, и Софоний, расстегивая крючки зипуна, тихо поинтересовался:

– Книги-то тебе зачем, друже?

– Книги завсегда проверять надобно, – уверенно ответил Басарга. – С серебра все завсегда начинается, серебром заканчивается. Коли что и было, через серебро и злато завсегда ответы обнаружатся.

– Беременность по книгам расходным искать? – рассмеялся боярин Илья. – Ну ты скажешь, побратим! Нечто детишки по статьям доходов и расходов проходят? Нет, друг мой, на

таковые вопросы токмо на дыбе ответ можно получить, с угольями да кнутом из воловьей кожи!

– Сам старух на дыбу вешать будешь и кнутом стегать, – наклонившись, еле слышно шепнул ему на ухо Тимофей Заболоцкий, – али попросишь кого?

Боярин тут же вдруг закашлялся, стянул шапку, с силой потер запястьем нос, неуверенно молвил:

– Так ведь дело-то царское?..

– Коли нужда какая возникнет, так и на дыбе спросим, – уверенно пообещал Басарга. – Но по совести, надеюсь, без того обойдется.

Из темноты коридора появилась пожилая инокиня со сложенными на животе руками, степенно поклонилась:

– Матушка игуменья повелела накормить вас с дороги и горницу достойную для отдыха отвести. Ныне уже поздно, она на службе, а книги расходные под замком. На рассвете настоятельница Васса лично их вам для чтения доставит.

– До рассвета их все наново написать можно! – громко хмыкнул боярин Булданин.

– Игуменья Васса чиста душой и помыслами, даром провидческим обладает, а потому подозревать ее в подделке – грех большой, – однотонно, ни на миг не дрогнув лицом, ответила инокиня. – Через достоинства ее обитель наша от самого государя не раз вклады великие получала. За мной следуйте, бояре...

Она повернулась и медленно поплыла обратно в темноту коридора, нимало не заботясь о том, идут за нею гости или нет.

Отведенная боярам палата, видимо, предназначались паломникам. Длинная и узкая, с десятком маленьких слюдяных окошек и образами напротив, она была в три ряда заставлена широкими лавками, на каждой из которых можно было спокойно вытянуться во весь рост, подложив под голову узелок с припасами. Удобства скромные – зато тепло и сухо. А что лежаки жесткие – так боярам в походах и на земле доводилось на тощем потнике спать, и в сугробах, в епанчу завернувшись. Так что люди привычные. Накормили, напоили, кров над головой дали – большего им и не требовалось.

На рассвете, как и обещала монахиня, к гостям пришла совсем уже дряхлая старушка со сморщенным лицом – хотя глаза ее все еще и блестели молодо, подобно ярким сапфирам. От нее пахло ладаном и свежим хлебом и чем-то еще, неосязаемым, но заставившим мужчин преклонить колени и опустить головы за благословением.

Басарга последним коснулся губами сухой кожи, обтягивающей тонкие кости руки.

– Да пребудет с тобою милость Господа нашего, дитя мое. – Игуменья погладила его по голове и участливо спросила: – Откуда такой интерес возник у Иоанна Васильевича к нашей обители, боярин? Нешто донос кто написал али жалобы появились?

– Ничего такого, матушка, – поднялся подьячий. – За порядком слежу, сохранностью добра государева да доходами казенными. Ибо иные обители, случается, сверх меры послаблениями пользуются, иные торг ведут без пошлины сверх дозволенного, иные земли черные, ровно монастырские, пользуют, а иные обители даже смердов с черных земель на свои сгоняют. Вон, монастырь Соловецкий соль беленую тысячами пудов продает, прочих купцов из дела выдавливая. А права им токмо на пять сотен пудов дарованы. Кирилловская же обитель ловы казенные по Шексне самовольно пользовала, Горицкая с волока доходы брала... Не все монастыри посвящают себя служению духовному, иные токмо о серебре помышляют. Посему всех раз в два-три года и навещаю. Не в обиду, матушка, а порядка ради.

– Смотри, дитя мое, – согласно кивнула игуменья. – Нам скрывать нечего, мы по совести живем.

Восемь толстенных расходных книг хрупкая старушка сама принести не могла, их выложили на скамьи послушницы, пришедшие в горницу вместе с нею. Перекрестившись, вышли,

и Басарга хищно, словно коршун на добычу, ринулся к истрепанным томам с ветхими обложками, покрытыми чернильными пятнами.

– Тебе помочь, друже? – поинтересовался боярин Заболоцкий.

– Спасибо, но тут нужно самому смотреть. Иначе совпадения можно не заметить. Уж простите, но дня два мне надобно на сие потратить, – листал желтые страницы подьячий. – А вы пока можете к службе сходить, молебен заказать али мощам святым поклониться.

– Не, друже, – с ухмылкой мотнул головой Илья. – Коли так, то мы лучше до Суздаля отъедем да гульнем на царское серебро за твоё здоровье. Ты не обидишься?

– Коли для меня бочонок меда прихватите, так токмо пора-адуюсь... Оп-па, тут пошлина за камень не уплачена. Указ Иоаннов отмечен. Надобно проверить... – уже погрузился в работу подьячий, и Илья махнул на него рукой:

– Пошли, други! Не станем мудрецу нашему мешать.

Работа потребовала у Басарги Леонтьева долгих полтора дня и два бочонка меда, который он прямо с лавки в задумчивости зачерпывал время от времени ковшом. Боярину Заболоцкому даже пришлось холопа за добавкой снаряжать, как ясно стало, что одним ведром дело не обойдется.

– И что? – поинтересовался, приглаживая ус, Софоний, когда подьячий закрыл последний том. – Открылась тайна великокняжеская среди цен на репу с капустой?

– О сем мы сейчас у игуменьи спрашивать станем, – зевнул Басарга, не поняв насмешки. – Ибо седьмого мая года двадцать шестого обитель сия от великой радости великого князя Василия в подарок село Павловское с деревнями и с починками получила. А чуть позже, через пару месяцев, – подьячий придвинул одну из книг, открыл в заложенном месте и прочитал: – *«Се яз князь великий Василий Иванович всеа Руси. Пожаловал есми старицу Софью в Суздале своим селом Вышеславским з деревнями и с починки, со всем с тем, что к тому селу и к деревнямъ и к починком истари потягло до ее живота, а после ее живота ино то село Вышеславское в дом пречистые Покрову святыя Богородицы игуменье Ульяне и к всем сестрам»*⁵.

– Проклятье! – улыбка сползла с лица столичного красавца. – Теми же годами великий князь Василий обетную церковь у Фроловских ворот поставил!⁶

– И чего сие означать может? – Илья, тоже прихлебывавший мед, отпустил корец плавать среди пены, поднялся со скамьи: – Чего загадками сказываете? Нормально объясните!

– А то сие означает, – ответил Тимофей Заболоцкий, – что великие князья, в отличие от нас, худородных, в честь рождения сыновей не вклады делают и не пирушки закатывают, а церкви обетные по обычаю ставят и жен своих селами богатыми одаривают. Великое дело – сын. За такое счастье дорогого подарка не жалко. Схимниц же ссыльных деревнями никто не одаривает.

– А здесь и обитель одарили, и саму монахиню, и обетную церковь поставили. И по времени тоже совпадает, – подвел итог боярин Софоний. – В начале зимы ее постригли, по весне от бремени разрешилась. Полугода не прошло.

– То есть у Иоанна Васильевича есть старший брат? – осторожно поинтересовался боярин Буданин.

– А ну, вон пошли отсюда! – неожиданно рывкнул Софоний Зорин на холопов, играющих в кости под соседним окном. – Ишь ты, уши развесили! Не вашего ума дело!

Слуги вздрогнули от неожиданности – но спорить, само собой, не посмели и отправились в самый дальний конец горницы.

– Чего гневаешься, друже? – удивился Тимофей.

⁵ Дарственные сохранились.

⁶ Имеется в виду храм великомученика Георгия Победоносца.

– Головы смердам спасаю, – ответил боярин. – Хотя, полагаю, выяснять, что они слышали, а чего нет, каты государевы не станут. Срубят с плеч долой, и никаких хлопот. Такие вещи простым смертным знать не по рылу.

– Покамест сие лишь домыслы наши, – сказал Басарга. – Настоятельницу испросить надобно да послушать, что ответит. Может статься, куда проще все разъяснится.

– Мартын! – рявкнул Илья. – Беги, игуменью найди! Молви, вопросы у подьячего нашлись. Не сходится чего-то в книгах монастырских. Добро лишнее имеется.

Старушка примчалась очень быстро, и вид у нее был весьма встревоженный:

– Что такое вы там исчислили, бояре? Отродясь наша обитель чужого добра не касалась!

– Здесь и здесь, – повернул к ней расходные книги Басарга. – Вписаны сюда слова из грамот дарственных. Вклады большие, обставлены пышно. Просто так подобные не делаются, а событие не указано. Коли так, то... Сомнение меня гложет. Уж не по жадности ли казначей сие добро монастырю приписал? Дарственных ведь нет, токмо выписка.

– А-а, двадцать шестой, – с видимым облегчением перекрестилась игуменья Васса. – Так, известное дело, схимница наша София мальчика родила. А потому, как при жизни она супругой великого князя была, так выходит, наследник сие был всей земли русской. Вот с великой сей радости Василий Иванович и обитель нашу, и саму роженицу дарами щедрыми и осыпал.

– Тогда где тот мальчик? – Басарга ощутил, как сердце ухнулось из груди куда-то вниз, и внутри образовалась звенящая пустота.

– Идемте, я покажу...

Игуменья, засунув маленькие серые ладошки в широкие рукава, вывела бояр на просторный двор монастыря, уже засыпанный снегом на высоту двух ладоней, прошла по расчищенной дорожке к многоглавому Покровскому храму, от крыльца свернула вправо, на еще нетронутый свежий наст, обогнула церковь и остановилась позади заалтарной стены, наклонилась, стерла рукою снег с одной из лежащих на земле плит:

– Вот где она, в миру государыня, в обители сестра София, упокоилась, – перекрестившись, произнесла настоятельница. – Согласно завещанию своему, не в склеп каменный положена, а в земле упокоена, рядом с могилой чада своего, единственного и долгожданного...

Монахиня сложила руки на груди и склонила голову в молитве. Боярин Заболоцкий наклонился, стер снег с плиты, лежащей рядом с надгробием великой княгини Соломонии. Однако та была чиста. Никаких надписей. Софоний Зорин, вздохнув с явным облегчением, перекрестился. Коли тайны нет – нет и опасности для тех, кто до нее прикоснулся.

Игуменья Васса, закончив молитву, осенила себя знаменiem, низко поклонилась могилам и ушла.

Тимофей Заболоцкий проводив ее взглядом, тихо сказал:

– Обманул, видать, юродивый государя. Нет у Иоанна Васильевича старшего брата сводного. Преставился.

– Странно сие... – задумчиво ответил Басарга. – Где это видано, чтобы блаженные лгали?

– Сколь велика была тайна, – сдвинув шапку на лоб, почесал в затылке Илья Булданin, – и сколь просто разрешилась.

– Слишком просто для столь загадочной истории... – эхом отозвался боярин Софоний. Покоился на побратима из Монастырского приказа.

Басарга мучительно поморщился, зачерпнул снега, с силой отер им лицо. Покачал головой:

– Слишком просто... Пойду, холопов покличу.

Престарелая монастырская ключница неладного от царского подьячего не заподозрила и без заминки выдала две кирки и две лопаты. Под присмотром хозяев холопы легко сдвинули в сторону могильную плиту, взялись за работу. Зима еще только-только началась, земля глубоко

промерзнуть не успела, а потому поддавалась легко, и яма углублялась стремительно. Монахини спохватились, когда землекопы углубились уже по пояс, а игуменья прибежала совсем поздно, когда внизу уже показалась крышка, вырезанная из прочного, будто камень, мореного дуба.

– Что же вы творите, антихристы?! – возопила старушка. – Как можно покой усопших тревожить! Отпетых и похороненных на свет поднимать!

– Государь прислал меня с вопросом, матушка, – сурово произнес Басарга. – И в ответе, который я ему привезу, я должен быть уверен твердо! Слухов и обмолвок мне мало.

– Нечто вам самой могилы царевича мало? Хотите костями его за поручения свои отчитаться?! – выкрикнула игуменья.

– Хочу, – невозмутимо ответил подьячий. – Ибо записей о вкладах поминальных в ваших книгах я не припоминаю. Коли княгиня великая так чадо свое любила, отчего службы за помин его души не заказывала?

– Весь, что ли, отрывать, боярин? – отложив кирку, спросил из ямы Тришка. – Глина колоду глубоко засосала, как бы окапывать не пришлось. Тогда яму от верха расширять надобно.

– Коли так откроется, то и не к чему, – сказал ему Леонтьев. – Давай, ковырни сбоку.

Холоп, отерев рукавом лоб, вставил край кирки в темную щель, немного пристучал, потом навалился на рукоять. Послышался слабый хлопок, словно от далекого выстрела, крышка прыгнула вверх, и упала обратно наискось, впуская свет в полость выдолбленного из цельной колоды домовины. Мартын и Тришка-Платошка, испуганно вскрикнув, тут же вскарабкались наверх. Осколик, молодой холоп боярина Заболоцкого, оказался более любопытен и упавшую крышку приподнял. Удивленно хмыкнул:

– Нет тут никого, боярин! Кукла тряпичная в распашонке лежит, и более ни единой косточки.

– Вижу, – кивнул Тимофей, торопливо перекрестился: – Вот и уберег Господь от греха. Ничьего праха не потревожили. Закрывай!

– Рубашка-то дорогая, царская...⁷ – отметил Басарга. – Видать, и вправду знатного рода дитя ее носило. Вот только где оно, матушка Васса? Матушка!

Увлеченные осмотром крохотного гробика, бояре и не заметили, как настоятельница монастыря исчезла.

– Уйдет! – испуганно охнул подьячий. – За ней, бояре! Тришка, Мартын... Нет, вы все четверо к воротам бегите. Коли сбежать попытается, вяжите, ровно татя. Не святая она, а царя нашего обманщица!

Холопы, слушаясь приказа, вылезли из ямы, побросали лопаты с кирками, принялись одеваться. Бояре же кинулись через двор. Тимофей Заболоцкий и Илья Булданин завернули в Покровский собор, Басарга и Софоний заскочили сперва в поварню, благо она была ближе, из нее кинулись к трапезной, заматались по многочисленным комнатам первого этажа, спрашивая испуганных послушниц об игуменье. Забежали наверх, влетели в просторную одностолпную трапезную палату, покрутились в полутемном помещении, заглянули к себе, влетели в пристроенную на углу Зачатьевскую церковь.

Игуменья Васса была здесь. Она стояла на коленях перед алтарем, сложив перед собой руки и что-то нашептывая.

– Поздно грехи замаливать, матушка! – в пустом тихом храме голос Басарги прозвучал подобно раскату грома. – Теперь на дыбе за них отвечать придется. Ты ведь не токмо нас и

⁷ Эту рубашку, расшитую жемчугом, ныне можно увидеть в исторической экспозиции суздальского музея, рядом с ней – крышка от гробницы. Ложное захоронение сына великой княгини Соломонии было вскрыто в 1934 году и авторским вымыслом не является.

бояр прочих обманывала. Ты ведь самому царю лгала, помазаннику Божьему! Он к тебе со всей душой открытой приходил, совета спрашивал, вклады богатые делал, благословение просил. Ты же в глаза ему смотрела – и лгала каждый раз бессовестно.

– Не по закону государь твой место свое занимает, подьячий. Иному стол его по праву принадлежит. За правду муку смертную приму, клятву верности до конца исполняя, – ответила, не оглядываясь, игуменья.

– Нешто мыслишь, за веру и правду муку терпеть станешь? – презрительно скривился Басарга. – Нет, старуха. В мир иной ты с клеймом воровки отойдешь. Не за веру на дыбу тебя вздернут и кнутом охаживать станут, а за обман, в котором ты жила, именем Господа прикрываясь! Бога обманула, царя обманула, людей обманула. Не мученица ты, Васса-инокиня. Ты воровка! А ну, сказывай, куда ребенок княгини Соломонии делся?!

– Не достать вам его, душегубы проклятые! – зло расхохоталась старуха. – Всю жизнь дыбу свою ждала. Небесами предречено мне под кнутом самозванца безродного дух свой испустить. Однако же ничего вы от меня не узнаете! Жгите! Топите! Кости ломайте! Но тайна сия со мною вместе к Господу вознесется!

– Не к Господу, а в ад к диаволу путь твой начертан...

– Подожди... – Софоний положил ладонь побратиму на плечо. – Зачем ты игуменью сию во лжи подозреваешь? Нехорошо это. Настоятельница всю себя, всю жизнь свою Богу посвятила. Как же не верить ей? Нет, друг мой, мы должны верить.

– Ты никак обезумел, друже?! – оторопел от таких слов Басарга. – Мы же сами видели...

Софоний вскинул к губам палец, и боярин осекся, замолчал, поняв, что его друг что-то задумал.

– Значит, сказываешь, матушка, преставился царевич? Скончался еще при живой матери?

Старуха замолчала. Оглянувшись на столичного красавца через плечо, тоже заподозрив неладное.

– Печально сие, матушка, – сочувственно кивнул боярин. – Но коли ты так сказываешь, стало быть, так оно и есть. Остается нам лишь о душе его несчастной позаботиться. Службы заупокойные заказать на помин его души. В Москве заказать, в Суздале, в обителях святых. И здесь, конечно же, тоже заупокойную выслушать. Ты ведь не откажешься отстоять ее, матушка?

– Нет, – прошептала старуха враз осипшим голосом. – Нет, ты не посмеешь!

– Он ведь мертв, матушка, в том слово твое, – включился в разговор Басарга, сообразив, в чем дело. – Мы тебе верим, и долг наш христианский душу его вознесшуюся отпеть...

– Нет! – вскочила игуменья.

– Ты клялась, что он мертв. Значит, на нас греха не будет. Мы сии службы закажем от чистой души и с чистой совестью...

Нет для христианина большего греха, нежели заказать заупокойную службу по живому человеку. Такая служба, тянущая смертного из мира сего в мир потусторонний, иссушает душу, давит чувства, притягивает болезни и в конце концов обращает человека живого в мертвого. Сия порча многими и вовсе за колдовство черное почитается.

Конечно, грех за сей поступок на человека ложится, только если он по злему умыслу извести кого-то пытается. Коли же его в заблуждение кто-то ввел, да еще и намеренно, – отвечать на Страшном суде за гнусное чародейство придется истинному виновнику. И кому, как не игуменье, посвятившей всю себя служению Иисусу и спасению своей души, было этого не знать?

– Так что, матушка? Поминать будем – али за здравие беспокоиться? – ласково спросил Софоний, мило улыбаясь и потирая согнутым пальцем левый ус.

– Он жив, – смирившись с поражением, признала старуха. – И находится ныне в добром здравии.

– Как же так, игуменья Васса? – развел в удивлении руками Басарга. – Ты лгала столько лет! Всем! Почему, зачем?

Двери храма распахнулись, внутрь вошли Тимофей и Илья. Боярин Булданин, увидев монашку, радостно подпрыгнул, взмахнув руками:

– Она здесь?! Поймали?

– Княгиню любили все, – сказала игуменья, глядя на него. – Еще когда она супругой Василия оставалась. Много доброго она для монастыря нашего сделала. И с сестрами всегда была милостива. Великий же князь бесплоден оказался. Где это видано, чтобы за двадцать лет супружества ни разу жена не понесла? На другой женился – так опять за четыре года ни разу! То, что Соломония в конце все же тяжелой оказалась, то есть чудо великое, милость небесная. И мальчик у нее явился крепкий, здоровый.

– И где он? Где, говори! – потребовал Басарга.

– Когда Ленка Глинская своего мальчика явила, все мы поняли, что старшему Васильевичу не жить, – ответила старуха. – Изведет его литвинка. Ради воцарения своего выкидыша изведет. Дабы невинную душу спасти, мы сына Соломонии мертвым объявили. Она ведь из рода Сабуровых, потомок мурзы Чета. Вот к татарским своим родичам, в Крым, его княгиня и отправила. Туда, куда приспешникам Ленкиным не добраться⁸. Я же здесь могилу обманную блюла. Не корысти ради – во спасение наследника стола русского. Сестре Софии, когда на смертном одре та лежала, поклялась никому тайны сей не открывать. Ибо жить царевич мог, лишь пока его за мертвого почитают. А службы заупокойной мы по нему не стояли, то ты верно заметил, боярин. Сего греха ничем не оправдать. То уже не ложь во спасение, то порча и извод получится.

– Мертва давно Елена Глинская, матушка. Уже и имя ее подзабывать в народе начали, – сказал настоятельнице Басарга. – Некого бояться.

– Ленка мертва, а сторонники ее и клятва моя остались, – покачала головой старуха. – Не нужно никому знать о старшем Васильевиче. От сохранности тайны сей жизнь его зависит.

Софоний повернулся к настоятельнице спиной, наклонился к самому уху Басарги:

– Там могила разрыта на дворе. Не ровен час, заметит кто. А что государь по делу сему решит, неведомо. Может статься, он сию тайну пуще прежнего хранить пожелает?

– Ты прав, могилу нужно закопать и плиту вернуть на место, – согласился боярин Леонтьев. – Пойду распоряжусь. Холопы на воротах более не нужны, пусть займутся.

Слуги новому поручению только обрадовались. Все же ловить в воротах монастыря его игуменью – не самая лучшая работа. Не дай Бог прихожане узнают – побьют обязательно. А как не узнают, если инокиню прилюдно хватать придется?

Посему к земляным работам четверка вернулась с охотой, под присмотром Басарги ссылая чуть влажную глину обратно в яму и послойно ее утаптывая – чтобы по весне талая вода к колоде не просочилась. К сумеркам с заметанием следов они уже почти управились, когда со стороны ворот внезапно послышался истошный вопль:

– Тата-а-а-ар-ры-ы-ы!!!

– Степняки? Откуда? – недоуменно вскинул голову подьячий. – Мы же в Суздале!

Однако крики ужаса, конское ржание, злой хохот и громкие стоны умирающих никакого сомнения не оставляли – на обитель напали разбойники. Оставаться на открытом месте, имея из оружия только лопаты и по сабле на каждого – это была верная смерть.

– В трапезную! – коротко приказал Басарга, выдернул клинок и первым побежал вдоль стены Покровского храма.

⁸ Об отправке старшего брата Ивана IV в Крым говорят и записи западных дипломатов, и народные предания, нарекающие спасшегося царевича Кудеяром.

Отсюда было видно, как темные всадники в стеганых халатах азартно рубят разбегающихся прихожан и послушниц. Татар было довольно много, десятка три, не менее, – а потому помочь несчастным боярин Леонтьев был не в силах. Дай Бог самому с холопами уцелеть...

Маленький отряд заметили – трое всадников провернули к ним. Первый опустил пику, метясь в Басаргу, но в последний миг Тришка-Платошка, завопив, швырнул в него лопату, и степняк, отклонившись, промахнулся. Басарга своего шанса не упустил – сделал выпад, загоня саблю татарину в живот, выдернул, крутанулся и рубанул по ноге другого татя, спасая самого Тришку от смертельного укола.

– Ах ты, тварь! – Третий татарин полосонул боярина Леонтьева поперек спины. Если бы не совет Софония носить, не снимая, броню – лежать Басарге дальше на холодном снегу в луже крови. А так – только зипуна испорченного лишился, а татя холопы вчетвером сбили с седла и молниеносно закололи.

– За мной, скорее! – Басарга перебежал двор, влетел на крыльцо трапезной, заскочил в распахнутую дверь, остановился: – Закрывай!!!

Вместе со слугами он захлопнул тяжелые створки, в тусклом свете масляных светильников накинуд поперечный брус. Пока мужчины возились, в коридоре послышался топот – к дверям бежали несколько татар, уже успевших ворваться в дом. Причем все были с щитами. Хорошо хоть, без копий, только с саблями.

– Откуда вы только беретесь? – зло выдохнул Басарга, отбивая саблю первого и пиная его щит ногою в нижний край. Верхний край от толчка пошел вперед, и боярин тут же нанес укол в открывшееся лицо. Сбоку налетел другой басурманин – но кто-то из холопов ловко сплюснул ему на щите умбон, дробя пальцы, и подъячий добил вопящего от боли врага, нырнул вниз, широким взмахом подрубая ноги, тут же резко выпрямился и кинулся вперед. По телу шаркнули сразу два клинка, окончательно раздирая зипун, но Басарга прорвался врагам за спины, уколол одного, другого. Кто-то попытался повернуться к нему – и холопы тут же раздробили бедолаге затылок, двое других продолжили отбиваться от слуг, придвигаясь к стене, пытаясь прижаться к ней. Боярин Леонтьев успел подрезать загривок одному, второму в щит всадили кирки холопы, отдернули...

Снаружи загрохотали выстрелы, от двери полетела щепка. Разбойники, оказавшись на удивление хорошо снаряженными, дробили пищальными выстрелами запорный брус и створки над подпятниками, пули рикошетили от пола и стен, выбивая кирпичную крошку. Стало ясно, что вскоре дверь упадет и воины окажутся в тесном коридоре впятером против толпы разбойников. Причем сильно рискуют оказаться к тому моменту ранеными из-за беспорядочно летящего внутри дроба.

– Щиты забирайте, и отходим, – приказал Басарга. – Восьмером шансов больше...

Холопы вслед за ним добежали до церкви, захлопнули двери. Здесь, по сравнению с коридором, было светло: чуть не перед каждым образом горел светильник, а перед иными стояло по несколько ярких восковых свечей. Матушка-игуменья стояла на коленях, истово молясь. Бояре стояли чуть в отдалении, не решаясь оставить пойманную с поличным изменницу одну.

– Что там? – с тревогой спросил Тимофей Заболоцкий.

– Татары, – кратко выдохнул Басарга, показывая окровавленную саблю. – Напротив двери не стойте. Могут из пищали сквозь створки пальнуть.

Боярин будто в воду смотрел: не прошло и четверти часа, как снаружи послышался грохот. Дверь задрожала, с хрустом отбросила кованые пластины петель, на которых была подвешена, и повалилась в сторону. В храм вкатилось белое облако порохового дыма, из которого, словно бесы, выскакивали воины в стеганых халатах и лохматых меховых шапках, с круглыми щитами и кривыми саблями.

Клинка скрестились, церковь наполнилась звоном стали.

Басарга отвел направленный в голову укол, рубанул сам, попав по ловко подставленному щиту, нырнул, кольнул в ноги, на этот раз промахнувшись, откатился, едва не пропустив удар по шее, вскочил и... Не обнаружил противника.

Громко крича: «Аллах акбар!» – татары убегали по коридору.

– Что за бесовство басурманское? – в недоумении огляделся боярин Илья. – Я токмо во вкус войти успел!

– Спужались, что ли? – разделил его удивление могучий Тимофей Заболоцкий. – Так их вроде как втрое супротив нашего было...

– Басарга! – громко окликнул подьячего Софоний. – Игуменья!

Старушка-настоятельница лежала у алтаря, и из груди у нее торчали сразу три трехперых татарских стрелы.

– Сдается мне, друже, все еще хуже, нежели мы надеялись, – перекрестился над погибшей боярин Зорин. – Похоже, Никола Салос из Пскова не из беспокойства за государя приходил, а с угрозами. Блаженного ведь даже царь тронуть не посмеет, сказывать может все, что заблагорассудится.

– Ты это о чем, Софоний? – не понял его Тимофей Заболоцкий.

– Ныне так выходит, друже, – ответил московский боярин, – что о наличии у государя нашего старшего брата, живого и здорового, мы знаем в точности. А вот где он, кто его укрывает, что заговорщики замысливают, нам неведомо. И расспросить о том уже некого, ибо единственную свидетельницу у нас на глазах татары порешили. Не обрадуется таким вестям государь наш Иоанн Васильевич. Ох не обрадуется...

Война школ

За окном многоэтажки царил непроглядный мрак. В домах напротив светились лишь редкие отдельные кухоньки и комнатки, да фонари во дворе горели с экономным промежутком в один на три отключенных. Шесть утра. Для Москвы – поздний-поздний вечер, когда праздные горожане, наконец-то утомившись, все же укладываются спать, а горожане работающие еще досматривают последние сны перед торжествующим звоном будильника.

Именно в этот час Женю Леонтьева и посещали его, к счастью редкие, «вещие» сны, практически неизменно завершающиеся смертоубийством. И обратно в постель молодому человеку после этого, понятно, уже не хотелось.

– Держи, – поставила перед ним полную кружку Катерина. – Дерябнем по кофейку, раз уж подъем у нас случился. Заметь, кстати, до чего удобно иметь квартирантку вроде меня. И совет умный завсегда дам, и завтраком накормлю, и посуду помою. Так что давай решайся, бухгалтер. С тебя – жратва и койка, с меня – информация. Заметано?

– Кота в мешке продаешь, – покачал головой Женя. Хотя от кофе, конечно, не отказался. – Сперва скажи, чего там тебя осенило? Тогда и подумаем.

– Хочешь скачать интеллектуальную собственность на халяву?

– Могу не скачивать, – пожал плечами Леонтьев и кивнул в сторону коридора: – Выход там.

– Ты шантажист!

– Нет. Всего лишь бывалый бухгалтер. Не люблю платить за воздух.

– Не жмоться! Тебя-то ведь шлепнуть могут!

– Тебя тоже, – ухмыльнулся Женя. – Забыла, что мы теперь в одной лодке? Так что давай колись. Или дальше будем каждый за себя.

– Ну ты вымогатель... – почесала кулаком нос девушка. – Ты ведь все равно не поймешь половины того, что рассказываю!

– А ты попробуй!

– Да я пытаюсь... Только не знаю толком, с чего начать. По уму ведь надо, чтобы с самого начала. Да только тогда разговор на несколько лет растянется... Ладно, попробую провести укороченный курс для смертников. Значится, так... В справочнике для нищих, почему-то называемом учебником, все реформаторы прошлого обычно описываются как дегенераты, творящие невесть что. Хотя на самом деле многие из них построили то, на что у современных политиков мозгов не хватает. Иезуиты, например, придумали и активно пользовали оружие, которое нынешние правители тупо не замечают.

– Интересно, какое? – прихлебнул кофе молодой человек.

– Образование... – мило улыбнулась девушка. – Вот ты, например, знаешь, что в Средние века христианам категорически запрещалось-то читать Библию? Нет? В постановлении Собора в Безье от тысяча двести сорок шестого года Библию запрещено иметь и мирянам, и священникам, причем даже на латыни, а за попытку ее перевести можно было загреметь на каторгу. Православным, кстати, читать ее тоже воспрещается. Любое толкование слова Божьего допускалось только священниками. Суть же Реформации заключалась в том, что священникам в этом праве отказывалось. Лютеране провозгласили долгом каждого христианина самому прочитать слово Божие. И что это значит?

– Что? – переспросил Женя.

– Чтобы прочитать Библию самому, человек должен быть грамотным, бухгалтер! – провозгласила Катя. – Протестантство, по сути своей, одним из религиозных требований выставило обязательную грамотность. Ты понимаешь, что это означает? Поголовная грамотность всего населения! Когда тебя учили, что промышленная революция стала следствием развития

каких-то там экономических сил, – это полное фуфло. Она стала следствием всеобщей грамотности на протяжении нескольких поколений. И центром революции оказалась Англия. Именно та страна, где протестантство стало госрелигией. А католическая Испания, например, при всей своей развитости очутилась в пролете. Если ты посмотришь на уровень развития науки в странах Средневековья, то сразу заметишь, что ее уровень четко соответствует количеству протестантов в обществе. Чем их больше, тем раньше развивается промышленность и наука.

– Только при чем тут Россия?

– Подожди, давай по порядку, – попросила девушка. – Итак, Реформация в Европе побеждала. В немалой степени благодаря широкому доступу к образованию. И в Римской курии все это отлично понимали. Поэтому создаваемый новый орден затачивается четко и конкретно как действенное оружие борьбы с инакомыслием и инструмент для завоевания власти во всем мире. Иезуиты, само собой, и травили, и убивали, и обманывали, и воровали. Но главным было не это. Этот орден создавался как система для промывания мозгов у покоряемых народов.

– Как интересно! – хмыкнул Леонтьев. – И многим «промыли»?

– Испытательным полигоном для ордена иезуитов стала Польша, – продолжила свой рассказ Катерина. – К концу шестнадцатого века католичество в ней практически умерло, в протестантство ударились и стар и млад, начиная от крестьян с ремесленниками и заканчивая магнатами и королевским сыном. Апофеозом катастрофы стал переход в лютеранство киевского епископа Николая, так что катиться дальше было уже некуда... Вот туда-то воинов новорожденного ордена на боевое крещение и кинули. Через двадцать лет католичество в Польше возродилось и расцвело столь пышным цветом, что ляхи по сей день остаются чуть не самыми яркими католиками на планете, а православные иерархи пришли к иезуитам на поклон и согласились на позорную унию, по прозвищу Брестская. Всего двадцать лет! Одного поколения не прошло, а иезуиты по факту завоевали целую страну, которую по сей день используют как главный русофобский таран.

– Черт! – Женя поморщился, пожал плечами. – Проверить не могу, придется поверить на слово. И как же они это сделали? С помощью колдовства?

– Проповеди, пышные богослужения, общедоступные больницы, но самое главное – бесплатные гимназии, университеты и школы. Школы с высочайшим уровнем преподавания, в которые мог поступить любой желающий, школы с высочайшим уровнем веротерпимости. Они принимали к себе хоть протестантов, хоть православных, хоть даже язычников и не требовали менять веры.

– Как это? – не поверил своим ушам молодой человек.

– А зачем? Иезуиты первыми сообразили, что ласковое слово эффективнее угрозы. Проведя несколько лет в школах, насквозь пропитанных католичеством, изучая науки, пропитанные католичеством, участвуя в религиозных диспутах, в которых неизменно побеждали католики, ученики в большинстве не только сами обращались в папскую веру, но убеждали в такой необходимости своих родственников. По свидетельству современников, порою поляки и литовцы принимали крещение целыми селениями, отказываясь и от лютеранства, и от православия. А вот теперь вернемся к нашим баранам.

– Надеюсь, ты намекаешь не на меня?

– Увы, в этот раз больше всех опростоволосилась я, – поморщилась девушка. – Меня слишком заморозил убрус, и я думала только о нем, забыв про главное оружие иезуитов. Про школы! Тебя пытались убить из-за таинственной школы возрастом в сотни лет, верно? Каждый раз, когда мы пытались поймать ее за хвост, выяснялось, что в эпоху иезуитов монастыри с этими школами уничтожались, верно? Но ведь это могло происходить вовсе не потому, что орден гонялся-то за убрусом. Иезуиты от него, конечно, не отказались бы. Но главным был вовсе не он. Орден пытался захватить Российскую империю. Чужие школы мешали ему при-

влекать учеников в свои. И он пытался эти школы уничтожить. Это была война, настоящая. Только война не ружей, пушек и копий, а война школ. Война, в которой сама императрица выступала на стороне завоевателей. И судя по тому, что мы все еще не католики, в этой войне победили именно мы.

– Ч-черт! – отставил чашку Леонтьев. – Похоже на правду... Наверное, убрус стал для них всего лишь побочным призом. Который, впрочем, они все равно не получили. Но только почему в меня стреляли? А подвешивали над костром? Похищали из гостиницы?

– Допустим то, что про убрус иезуиты узнали случайно, уже попав в Россию, – отмахнулась девушка. – Просто теперь уже никак не могут успокоиться. Забудь на время про орден, Женя! Давай вернемся к школам. В начале девятнадцатого века иезуитов запрещают, война школ заканчивается. Но вот что интересно: из закрытых орденом монастырей восстанавливается всего один. Все остальные открыты только сейчас, в наше время. Как думаешь, почему?

– Учитывая то, как храбро они стреляют в сотрудников Счетной палаты? – Молодой человек пожал плечами. – Надо полагать, древняя тайная организация набрала силу?

– Именно! – обрадовалась Катя. – Они обрели власть и начали восстанавливать свои заброшенные веками назад святыни.

– Вообще-то я пошутил, – усмехнулся Женя.

– А я – нет! – воскликнула девушка.

– Тише, маму разбудишь! – вскинул палец к губам Леонтьев.

– Извини. – Катерина допила кофе и поднялась, поставила чашку в раковину. – Раз тебе неинтересно... Тогда я спать.

– После кофе?

Девушка молча пошла в комнату.

– Постой, подожди! – вскочил молодой человек. – Катя, не сердись. Ну, трудно мне все-речь относиться к побасенкам про древние тайные ордены. Даже когда ребята из этих контор в меня стреляют. Уж очень все это пахнет дешевыми голливудскими ужастиками.

– В тебя так часто стреляют, что ты можешь с этим шутить? – остановилась она.

– Пару раз в год, не считая обычного размахивания стволом перед носом.

– Правда? – Брови девушки заметно дернулись вверх.

– Странно, что тебя это удивляет, – пожал плечами Леонтьев. – Ты же знаешь, кем я работаю.

– А-а, ну да, – усмехнулась Катя. – Ты бухгалтер.

– Именно. Так что за идея тебя посетила?

– Очень простая. Если закрытые иезуитами «учебные» монастыри восстанавливают сейчас, то достаточно найти людей или контору, связанную с ними со всеми, и ты получишь ответ на вопрос, кто сегодня является наследником древнего ордена.

– Логично, – после короткого размышления согласился Леонтьев. – Даже странно, почему такая простая мысль не пришла нам в головы раньше?

– Не такая простая. Имена учредителей, спонсоров, членов опекунских советов в инет выкладывают нечасто. Боюсь, чтобы их получить, придется кое-где показать корочки сотрудника Счетной палаты.

– О-о! Мисс Всезнайка не может обойтись без моей помощи, – ухмыльнулся молодой человек. – Вот только зачем тогда она мне нужна?

– Если «мисс Всезнайка» отвалит, то ты не будешь знать, какими именно монастырями интересоваться, – парировала девушка.

– Один-один, – со вздохом признал Женя. – Придется терпеть тебя дальше. Однако можешь не радоваться. События явно перетекают из прошлого в современность. А здесь я вполне смогу обойтись и без тебя.

– Не говори «гоп», бухгалтер, пока до сути не добрался. У нашего прошлого есть одна очень забавная черта. Это его полная непредсказуемость.

* * *

– Сыск мы провели на скорую руку, государь, ибо к тебе с вестями торопились. Может статься, оттого никаких следов татар оных и не нашли, – повинился Басарга. – Снег свежий округ обители и вдоль дороги к ней нетронут. На трактах, в Суздаль ведущих, чужих воинов путники не видели. Раненых и убитых всех с собою они унесли. Откуда взялись, куда сгинули, неизвестно... По следам выходит, что из города пришли, больше неоткуда. Да токмо откуда в Суздале татары? Может статься, губной староста чего выведает, отпишется... В монастыре же душегубы сии шестнадцать людей порешили. Богомольцев девятерых да семь инокинь, самых старших. Молодух, как ни странно, беда сия миновала. Токмо оглушили иных...

– Токмо тех, выходит, били, кто тайну спасения царевича выдать мог? – остановил боярина Иоанн, в этот раз вышедший к подъячему в белой шелковой рубаше, опоясанной атласным кушаком. Похоже, Басарга застал его во время какого-то домашнего развлечения. Однако встречи со слугой Иоанн все равно откладывает не стал. Теперь же царю и вовсе стало не до веселья. Он кругами ходил по тесной светелке, заставленной сундуками, то начиная оглаживать свою бороду, то вдруг принимаясь истово креститься. В голове царя явно вились какие-то мысли, однако высказывать их вслух правитель всея Руси не спешил.

– Может статься, блаженного псковского подробнее расспросить? – не выдержал затянувшегося молчания Басарга.

– Он, что знал, уже высказал, – резко остановился Иоанн. – О том, что коли не смирю я гордыни и деятельности своей, явится брат мой старший и все роды княжеские и бояре знатные его право на стол признают. Посему не править я должен во славу веры и державы русской, в силу разума своего, а князьям верным псом служить. Не указывать, а слушать, не для отчины величия добиваться, а вольницу боярскую покрывать... Каковы они, князья мои верные, ты ныне сам знаешь. Был у меня брат старший – ан не захотели его на стол, ибо власть твердая родов сильных и древних за ним стояла. Меня захотели, дабы игрушкой малолетней забавляться. – Иоанн медленно покачал головой. – Не прошу, не забуду детства своего сиротского, вечеров темных и голодных, нянек сосланных, постелей грязных. Ровно не князем я был великим, а нищетой подзаборной. А ныне, вишь, как силу обрел, так князья и о старшинстве меж братьев вспомнили! Не хотят службы нести, хотят вольницей пробавляться! Что же... Коли князья служить не желают, без них тогда обойдемся, иных слуг у земли русской себе испросим!

Государь, крепко сжав кулак, подошел к Басарге. В задумчивости поджал губы. Подъячий, пряча тревогу, опустил голову. Слова Софония о слишком опасной тайне не шли из его памяти.

– Надо бы брата моего сыскать, боярин. Нехорошо, когда заговорщики подлые с ним якшаются, а я токмо слухами о родиче столь близком питаюсь.

– Сделаю все возможное, государь. – Полученный приказ развеял тревогу без следа. Слуга, знающий опасную тайну, был нужен царю живым, дабы исполнять поручения, с этой тайной связанные.

– Постой! – вскинул палец Иоанн. – Ты ведь не един в обитель Покровскую ездил, при тебе всегда друзья твои держатся? Опасаюсь я, неверно вы волю мою истолковать способны... Слушай меня, запомни и друзьям своим передай. Кровь царскую проливать никому недопустимо!!! – Государь ненадолго замолчал, словно подчеркивая важность сих слов, и продолжил: – Коли смерти брату своему пожелаю, стало быть, и к себе подобное допускаю. А то, что он старший и прав на престол больше имеет... Так на все Божья воля. Захочет властитель

небесный моего ухода, даст на то знак ясный. Не захочет – мы его волю понять сможем, не ошибемся. Теперь все, ступай.

Домой подъячий мчался как на крыльях. С плеч боярина упала огромная тяжесть, и он спешил сообщить друзьям, что им ничего не угрожает.

– Иоанн желает найти своего брата, – первым делом сказал подъячий, входя в дом и расстегивая пояс. – Причем найти живым и здоровым. Броню под одеждой можно больше не носить. наших ртов никто затыкать не станет.

– Тебе лучше снять ее прямо сейчас, – поднял голову Софоний, отвлекаясь от просмотра желтого пергаментного свитка.

– Да? – кинул зипун на лавку боярин. – Отчего же? Мне обещали особую защиту?

– Еще какую, – подмигнул ему Илья.

– Сними кольчугу и поднимись чуть выше, – посоветовал Тимофей Заболоцкий, указав глазами на потолок.

Таинственность друзей имела обратный результат. Окинув их быстрым взглядом, боярин Леонтьев подхватил пояс с оружием – так что ножны сабли оказались в левом кулаке, а ее рукоять удобно ложилась в правую, – быстро и бесшумно поднялся по ступеням, осторожно толкнул дверь в свои покои и оказался за спиной женщины, надевающей бархатное платье. Точнее – успевшей раздеться и только поднявшей перед собой юбку, примеряясь к поясным завязкам.

– Мирослава?! – не поверил своим глазам боярин.

– Басарга! – Княжна, бросив одежду, кинулась к нему, попыталась обнять, но тут же вскрикнула и отскочила: – Ой, ты весь царапаешься!

– Сейчас, сейчас... – Боярин отбросил пояс с оружием, стал расстегивать крючки бриганты, усыпанной снаружи золочеными клепками, кое-как стащил жесткое одеяние через голову, взялся за поддоспешник.

Женщина немного подождала, потом рассмеялась и отступила:

– Не спеши. У нас будет еще много времени. Мне по-прежнему никуда не спастись из твоих объятий.

– А разве ты этого хочешь? – Басарга наконец-то избавился и от поддоспешника, оставшись в одной рубашке... Не считая, конечно же, меховых штанов, подштанников, сапог, портянок... В общем – еще на несколько минут раздевания.

– Конечно, нет. – Женщина подошла, закинула руки ему за шею и крепко поцеловала. – Я готова оставаться в твоих руках всю оставшуюся жизнь и держать тебя за ладонь после смерти. Но оставаться одной так тоскливо... Ты уезжаешь, и становится темно и пусто. Не с кем не перемолвиться, никаких вестей не узнать. Иногда мне казалось, что я способна заключить сделку с дьяволом, лишь бы снова оказаться среди царского двора, слушать новости из первых рук, принимать поклоны князей, стоять в свите на царском пиру...

Басарга прикусил губу.

Мирослава, ответившая на его любовь, вопреки своему княжескому происхождению сбегавшая с ним из монастыря, где готовилась к постригу, отказавшаяся ради него от родни, скрывшаяся с ним в поважских лесах, родившая ему нескольких детей... Если люди узнают хоть малую частицу из ее проступков... Да что там: если ее просто узнают – она будет опозорена, повязана и упечена родичами в самый дальний скит в самой дальней глухомани.

Но она все равно приехала в Москву. Видать, и верно вконец обезумела со скуки.

– Как же ты добралась?

– Ну, не так я беспомощна, как тебе кажется, – улыбнулась княжна, проведя ладонью по его бороде, и боярин невольно попытался прижаться к теплым пальцам щекой. – Вот только девку твою, прости, увела. Ту, что ты ко мне после смерти няньки приставил. И сани. Те самые, на которых ты меня из Горицкой обители украл.

– Ты же не от меня сбежала, а ко мне, – тихо ответил Басарга.

– К тебе... – внимательно посмотрела ему в глаза Мирослава. – Как-то утром на крыльцо вышла, а там к приюту детскому, что ты отстроил, книжница спешит. Умная, скажу тебе, баба, хоть и простолюдинка. И грамоту разумеет, и счет, и о землях разных ведает. Хорошо детей учит. Мне и то такой воспитательницы не досталось. Из монастыря двое иноков ратному делу обучают и вере правильной. Староста наш Турум-Бурум – делам хозяйственным... Спокойна я стала за детей, умными и храбрыми вырастут. И вдруг такая тоска меня смертная взяла, что никому я в сей глухомани не надобна, попусту жизнь свою сжигаю, что не стерпела...

– Я люблю тебя, сокровище мое, – ответил на ее немой вопрос боярин Леонтьев. – Всегда бы тебя при себе держал, кабы мог. Да токмо сие не в воле моей...

– Когда воля общая, то и получится.

– Как же ты по Москве ходить будешь? Ведь узнают!

– Да забыли все обо мне давно, – небрежно пожала княжна плечами. – Не ищут. Ну, и кутаться стану получше. Пока мороз на улице, то лицом в платке никого не удивить. А к лету ты чего-нибудь измыслишь, верно?

– Верно, – замороженно кивнул боярин.

– Как же хорошо, когда ты рядом, – наклонившись вперед, прошептала ему Мирослава. – Вижу тебя – и счастлива.

– Несу, матушка... – Слова оборвались в дверях испуганным писком.

Басарга оглянулся и никого не увидел.

– Не бойся, Горюшка, – громко окликнула служанку княжна. – Боярин не сердится.

– Прости, батюшка, за своевольство, – заглянула в дверь девка, все еще не решаясь войти. – Я вот румяна принесла. Хозяйка за румянами отослала.

Имя девчонка получила не за то, что приносила горе, а за угольно-черные волосы. Поначалу дразнили просто «горелой», но прозвище оказалось уж очень неудобным и быстро превратилось в Горюшку. Имя же крещеное, как то очень часто случалось, она и сама позабыла.

– Опоздала, – сказала Мирослава. – Застал меня боярин ненакрашенной.

– Ты без румян только прекраснее, – успокоил ее Басарга.

– Надеюсь, ты не осерчаешь, любый, если я немного попорчусь для посторонних? – улыбнулась княжна. – К столу хочу выйти одетой как положено. Твои друзья ведь здесь, с тобою живут?

– Да, у них у каждого светелки есть чуть выше, – признал Басарга.

Судя по тому, как решительно Мирослава собиралась присутствовать на ужине с боярами, она твердо вознамерилась выйти в свет. Того, что о ее возвращении кто-то проболтается, явно не опасалась. Мчалась вперед очертя голову, ровно конница на вражеские пики. Главное – ударить. А уж там – будь что будет.

Насиделась взаперти. Затворничество теперь казалось для нее страшнее позора...

* * *

Любовники напрасно обещали друг другу, что теперь не станут более расставаться. Уже через неделю после приезда Мирославы в Москву государь вызвал всех четверых побратимов в Александровскую слободу. И, как оказалось, не их одних. В обширной, комфортной и богатой царской загородной резиденции⁹ собралось больше трех сотен крепких молодых бояр – причем большинство были худародными и успели хорошо проявить себя в походах.

⁹ Александровская слобода как новая столица основана великим князем Василием III в 1505 году и изначально строилась с размахом и роскошью как резиденция правителей, за что получила прозвище «русский Версаль» (хотя Версаль на полтора века младше). Иоанн не начинал строительство с нуля, а лишь воспользовался отцовским заделом.

В конце декабря сюда приехал и сам государь. Отстояв поутру службу, Иоанн первым подошел к причастию, а приняв его – обратился собравшимся в храме воинам:

– Слушайте меня, бояре! В сей трудный час вручаю вам свою судьбу и судьбу державы нашей! Готовы ли вы ныне отдать животы свои за меня, за отчину мою и право на престол в битве супротив врага, не знающего ни чести, ни совести? Там, за стенами крепости Александровской, есть немало людей знатных, что хотят изгнания моего, предадут общую державу нашу, ищут лишь себе обогащения и утех, не желая службы на благо общее. Ложь и богохульство их оружие! В предательстве набирают они силу свою! Сии псы неблагодарные захотят помутить и души, и разум ваш обманными клятвами, уверят в пришествии иных, истинных правителей, сошлются на древность родов своих и тем захотят сыскать вашего доверия. Сим вопрошаю вас, бояре: готовы ли вы принять муку смертную, полагаясь лишь слову моему, готовы ли отказать в вере всем, кроме меня и воевод моих? Готовы ли отречься от друзей, родичей своих, от таинств церковных из рук священников из храмов иных, кроме нашего? Готовы ли ради служения мне, помазаннику Божьему, и державе нашей отринуть мир прочий, замкнув жизнь свою в стенах братства общего?! Загляните в душу свою и ответьте твердо, ибо для всех, кто решится дать клятву верности, закроются в сей час двери крепости, и лишь мы станем семьей его, и лишь служба честная станет смыслом его жизни. Час один отвожу всем вам на размышление. Лишь час будут открыты врата, оставляя путь в мир прежний для тех, кто не готов к самоотречению. Для тех, кто останется, врата закроются навсегда, отныне и до смертного часа. И да укрепит Господь вашу волю!

Иоанн размашисто осенил себя знаменiem и через толпу торопливо расступающихся бояр вышел из храма.

Из всех воинов только побратимы по Арской башне догадывались, что именно происходит, на что намекает государь и к чему готовит воинов. Если знатные заговорщики, призвав старшего брата Иоанна, попытаются устроить переворот – боярам из Александровской слободы придется услышать немало неожиданного. Вполне может случиться, что и выдержать осаду тех, кто станет называть себя служителями истинного царя.

Остальные воины знали лишь то, что услышали... И к их чести, несмотря на странности в речи Иоанна, предпочли сохранить ему верность. В течение часа ни один человек так и не вышел через распахнутые для трусов ворота.

А затем створки затворились.

Третьего января Иоанн объявил о своем отречении от престола. В разосланных государем письмах открывалась правда об измене среди знати, об их желании извести своего господина и о нежелании помазанника Божьего править подобными подданными. Отдельными письмами к простому люду Иоанн сообщал, что на них зла не держит и в их честности не сомневается.

Это был поступок, неожиданный для заговорщиков. Как бы ни желали они убрать с престола излишне сильного и волевого царя, но сделать это в день, назначенный самим Иоанном, были не готовы. Хотя бы потому, что для провозглашения нового правителя его нужно было доставить, показать народу и доказать его права на престол. Между тем, зная надеясь на испуг и смиренность Иоанна, а вовсе не на его бунт, не на новое своеволие.

Царь разломал заговор, даже не зная его участников и их планов. Уже через два дня в Александровскую слободу приехали князья и думные бояре во главе с архиепископом Пименом, чтобы позвать Иоанна обратно на престол. Другого царя у знати не нашлось – а народ, к которому государь обратился сам, напрямую, уже забеспокоился, угрожая покарать изменников своими собственными руками.

К «простому люду» недвусмысленно примкнули стрельцы, что набирались также из низов. Несколько полков бывалых воинов с пушками и пищалями холопьем плетью не разгонишь, они и сабли с рогатиной не испугаются, а в сече еще неведомо, кто верх одержит. Сражаться стрельцы умели – даром что из безродных. Может статься, только потому крови и не

пролилось – думные бояре предпочли биться на переговорах, оговаривая свои привилегии и нехотя признавая царские.

К февралю все закончилось – Иоанн вернулся в столицу, истребовав себе право на свою собственную армию, свой особый двор, свои отдельные земли, в которых мог бы править по собственному разумению, не считаясь с прежними обычаями. Назначать слуг, наместников и воевод, не считаясь с их знатностью, наследными правами и мнением думы. Теперь, даже устроив успешный переворот, князья могли привлечь на свою сторону только часть войск, часть земель, часть двора... Личная армия, личный двор и личные земли государя останутся верными Иоанну в любом случае. Да еще и среди земства у правителя оставалось немало сторонников...

Надежды на успех переворота растаяли словно дым – и для этого не пришлось никого пытаться и никого казнить. Даже имен своих врагов Иоанн не узнал – так и разгромил безымянными.

Большинство молодых бояр, ставших на время опасного противостояния личной ратью государя, так и не поняли тайной подоплеку произошедшего. Услышать же благодарность из уст царя довелось и вовсе только четверым.

– Боярин Зорин, боярин Булданин, боярин Заболоцкий, боярин Леонтьев, – назвал каждого по имени Иоанн, останавливаясь и с интересом оглядывая с ног до головы. – Храбрые витязи, честные слуги. Счастье мое, что такие воины охраняют мой трон и мою землю. За службу вашу награждаю вас золотом и шубами со своего плеча, дабы каждый по сему одеянию увидеть мог личную мою вам благодарность. Однако к делу. Знаете вы о тревогах моих зело более остальных и потому поручение получите соответственно знанию. Мне больше не нужно опасаться заговора. Однако же я все равно желаю найти своего брата! Хочу, чтобы он жил при моем дворе, а не на чужбине. Хочу советоваться с ним, стоять рядом с ним в церкви, сидеть за одним столом. Надеюсь на ваше усердие, бояре. И... прошу выпить за мое здоровье!

Последнее пожелание сопровождалось увесистым кошельком, легшим в руку царского подьячего.

Золото позволило боярам устроить хорошую пирушку и поправить свои денежные дела – однако не могло подсказать, как именно найти царского старшего брата. Мучительные раздумья боярина заметила даже Мирослава, лежа рядом в постели и целуя пальцы его руки:

– Что, любимый мой, невесел, что ты голову повесил?

– Царь дал поручение, которое я не в силах исполнить.

– Какое?

Басарга колебался недолго. Тайна Иоанна была велика... Но что за смысл хранить секрет даже от любимой, если о нем все равно знают столь многие, от псковского юродивого до князей-заговорщиков?

– Я должен найти сводного брата государя, – признался боярин.

– Сына Соломонии Сабуровой?

– Ты о нем знаешь?! – вскинулся Басарга.

– Забавный ты, – улыбнулась княжна. – Если у великого князя Василия было всего две жены, то чей сын может быть сводным братом для ребенка второй супруги?

– Да... И правда... – признал Басарга и продолжил: – Игуменья Васса сказала перед смертью, что княгиня Соломония отправила его к родичам в Крым.

– Тогда многие бежали в Крым от царского гнева, – откинулась на спину Мирослава. – Когда великая княгиня Елена, мать государя, к власти пришла, головы горохом покатались. Василий перед кончиной совет боярский назначил, дабы воспитанием сына его занимались, государством помогали управлять, о вдове заботились... С них Елена казни и начала. Направо и налево рубила, даже собственного дядюшку, Михаила Львовича, не пожалев. Следующими

братья ее покойного дядьки стали, князя Поджогин и Путятин. Вот тогда очень многие в Крым отъезжать и поспешили. Кто-то спасся, но мой дед и его брат не успели...

– Извини, я не знал...

– Ты не бойся, Иоанну в то время всего три годика исполнилось, посему на него никто зла не держит. А княгиню Елену через четыре года отравили, и никто о ней не жалел. Однако же из Крыма иные бояре так и не вернулись. Монахиню Софию, в миру Соломонию, Елена тоже сослала... Не помню, куда¹⁰. Посему, полагаю, за сына инокиня опасалась правильно.

– Ты знаешь, как его можно найти?

– Это совсем нетрудно. – Княжна перекатилась на живот. – Скажи Иоанну: если я снова стану кравчей, то разыщу его брата с легкостью.

– Как?

– Инокиня объяснила вам, где его искать, во всех подробностях. – Мирослава сладко потянулась и снова откинулась на спину. – Достаточно лишь немного подумать, и сам догадаешься...

* * *

Вывав у знати согласие на собственный, опричный, двор, земли и армию, первым делом государь начал «перебирать людишек», призывая к себе на службу лучших из лучших, достойнейших из достойных: образованных, храбрых, преданных. И впервые в истории Руси эти достоинства стали куда более важными, нежели происхождение. По разным городам и весям помчались отряды доверенных слуг, что останавливались в приказных избах, созывали местных боярских детей, осматривали их, старательно выпрашивали – что знает, о чем мыслит, чего желает? После чего иные получали предложение вступить в «избранную тысячу», иные оставлялись жить прежним порядком, а иные получали тяжелый кошель с серебром в качестве платы за удел – и отправлялись в земские земли, где могли жить привычным порядком и не мутить соседей недовольством деяниями царя Иоанна.

Басарга Леонтьев и его друзья носились по стране, примыкая то к одному, то к другому из таких отрядов, и тоже выпрашивали, проверяли родословные, испытывали молодых воинов на умение держать в руках саблю и читать, знать псалтырь или радеть об интересах русского царства – после чего неожиданно бросали одну комиссию и мчались в иные земли и уделы, чтобы примкнуть к другой.

Со стороны, наверное, казалось, что они обезумели и сами не знают, чего хотят, – однако дело свое побратимы вершили по тщательно обдуманному плану...

В середине июня струг подьячего Басарги Леонтьева приткнулся к берегу Волги близ Костромы, в которой «перебирал людишек» боярин Темеш Бастанов со товарищи. Оставив лодку на попечение холопов, бояре поднялись в вознесенный на высоком холме кремль, срубленный из толстых, полутораобхватных елей. Стены крепости успели потемнеть от времени, и потому новенький белоснежный Успенский собор¹¹ смотрелся над ним особенно ярко.

Впрочем, побратимы торопились не в церковь. Перекрестившись на золотые кресты храма, они направились в крытую тесом, высокую и просторную приказную избу¹², стоявшую акkurat под самой звонницей.

¹⁰ В Каргополь.

¹¹ Успенский собор Костромского кремля построен в середине XVI века и стал первым каменным зданием города.

¹² Говоря о XVI веке, следует помнить, что термин «изба» означал тогда не только тип строения, но и название административного органа.

Присланные опричники поселились прямо в ней, выставив охрану и прибрав себе под руку воеводскую конюшню, – однако Басаргу боярские дети узнали еще до того, как тот успел показать грамоту с царской печатью, и пропустили внутрь.

Засидевшиеся в лодке побратимы легко взбежали на второй этаж, решительно распахнули двери воеводских палат:

– Здрав будь, боярин! – кивнул вскочившему воину Басарга. – Прости, коли от дел государевых отвлекаем, однако же Иоанн Васильевич узнать желает, как поручение его исполняется и когда бояре избранные ко двору царскому явятся?

– Готовы уже списки, подьячий. Завтра отослать на утверждение царское полагал, – оскалился в усмешке опричник.

Боярин Темеш Бастанов был невысок, но широкоплеч, даже кряжист. Густая курчавая борода, крепкие белые зубы и широкие брови над голубыми глазами выдавали отменное здоровье; большие ладони больше подходили для работы рогатиной, а не пером, длинный синий кафтан с высоким воротником, скромно украшенный всего двумя алыми атласными вошвами на груди, указывали на хороший вкус. Никакой робости перед царским посланником боярин тоже не выказал, головы не опустил.

– Сам местных помещиков проверял? – поинтересовался Басарга. – Али сотоварищам доверил?

– С каждым боярином словом перемолвиться года не хватит, – покачал головой опричник. – Токмо с теми беседовал, коих сотоварищи достойными сочли. Иных и не пропустил.

– С Годуновыми говорил? – спросил Софоний Зорин, обходя стол и заглядывая в лежащий на нем список.

– Это с каковыми? Братьями Дмитрием и Федором, кои худородными из худородных значатся? – проявил достойную осведомленность Темеш Бастанов. Ни в какие бумаги не заглядывал, с ходу по памяти ответил. – На этих двоих даже сотоварищи времени тратить не стали.

– Нешто столь худородны? – вкрадчиво поинтересовался боярин Софоний и стрельнул быстрым взглядом на побратимов. Тимофей Заболоцкий и Илья Булданин затворили дверь и встали перед ней, передвинув пояса рукоятями сабель вперед.

– Выродились Годуновы, подьячий. – Темеш Бастанов свернул грамоту, пряча список от глаз излишне любопытного гостя. – Во времена Дмитрия Зерна богатый род, знамо, был. Однако же, сам понимаешь, с каждым поколением земли наследные дробились. Коли у отца три сына вырастает, каждый втрое беднее родителя в итоге становится. По тому обычаю Годуновы столь обнищали, что удела отцовского разделить уже не смогли. Сам ведаешь, по уложению о службе боярин одного воина со ста чатей¹³ выставить обязан. Коли поместье меньше ста чатей выйдет, то какой ты уже боярин? Смерд ты обычный, крестьянин черный, и тягло у тебя крестьянское.

– Так у них что, меньше?

– Больше, – усмехнулся опричник. – Да токмо на троих! Еще у родителей на двоих без малого сто тридцать четвертей было. Посему, как только отец братьев преставился, дядька их к себе в семью взял. Осьмнадцать на троих, как тут ни дели, все едино крестьянская доля выходит. А так весь удел на старике числится. Токмо потому они еще детьми боярскими и записаны.

– Так, может, воины знатные?

– Может, и были знатными. Да токмо годы у них уже не те. А Федор Годунов так и вовсе на левый глаз кривой. Хорош витязь отборный для государя: нищий, слабый и увечный!

– Выходит, из сотоварищей твоих с ними никто и вовсе не разговаривал? – переспросил Басарга.

¹³ Чать (честь) – размер пашни примерно в полгектара.

– Нет, подьячий. Хватило слова старосты земского. Боярин Путята своих воинов и так всех знает.

– Не обидишься, коли я с ними побеседую?

– Беседуй, коли не лень, – пожал плечами опричник. – Однако же я своим словом за братьев сих не поручусь.

– То на моей совести останется, боярин. Ты токмо в город их призови. Твои посыльные, мыслю, земли здешние уже изучили?

– День к закату идет, – немного поколебавшись, ответил боярин Бастанов. – Сегодня к ним гонец уже не поспеет. Стало быть, завтра. Пока соберутся, пока приедут... Полагаю, дня три вы, други, можете отдохнуть. А как Годуновы доберутся, велю известить.

Неведомо, что там подумал Темеш Бастанов об интересе примчавшихся в Кострому с особым приказом опричников к роду Годуновых, однако же сообщивший о приезде братьев посыльный привел Басаргу и его товарищей не в приказную избу, а в пыточный погреб, устроенный в угловой башне крепости, неподалеку от поварни и хлева, – чтобы запахи кровавые и крики истязаемых обычному люду не досаждали.

Помещение было небольшим, даже скромным – где-то десять на десять шагов и в две сажени высотой. Три лавки, один стол, пара изрезанных чурбаков да свернутая в углу веревка. Даже кнута не имелось – его, как писарь чернильницу, кат всегда с собой приносил. Однако же такое место для разговора с московскими боярами братьев Годуновых явно тревожило – хотя на дыбу их никто не вздергивал, токмо обождать на скамье пригласили. И на опричников оба смотрели со страхом – даром что бывалые воины.

Впрочем, линиялые, истрепанные кафтаны и стоптанные сапоги, ремни с небольшим замшевым подсумком и всего одним ножом с костяной рукоятью, полотняные шапки... Внешне бояре Годуновы от смердов особо не отличались. Иной зажиточный крестьянин куда лучше одевается. И шапка у него меховая, и ложка в нарядном чехле, и сапоги начищены. А коли день воскресный – так еще и рубахой атласной щегольнет. А здесь... Видать, не любила служба этих захудалых бояр. Ни добычей не радовала, ни жалованьем достаточным. Еле-еле концы сводили.

Федора Басарга узнал по темной повязке на глазу, кивнул его брату на дверь:

– Обожди снаружи, Дмитрий Иванович, дай с младшим твоим словом перемолвиться.

Боярин поднялся, стянул шапку, осенил себя крестным знаменем, кашлянул. Но ничего не сказал, вышел из пыточной на воздух. Тимофей Заболоцкий притворил за ним створку двери, Софоний же спросил:

– Род свой помнишь, Федор Иванович?

– Как же не помнить, боярин? – неуверенно ответил тот. – Отец Иван, дед Григорий, прадед Иван Годун, прапрадед Иван Красный...

– А брата своего прадеда помнишь?

– Как же не помнить? – Боярин несколько приободрился и перестал выглядеть зашуганным смердом. – Федор Сабур, дядька отцу двоюродный, всему роду Сабуровых прародитель. Через него мы самим царям родичи! – Боярин Годунов окончательно развернул плечи, осознав свою знатность. И откуда вдруг взялось столько спеси в нищем удельщике? Непостижимо!

– Это хорошо, что о своем родстве с великой княгиней Соломонией ты помнишь, – присел на край стола Басарга. – Потому как из одного корня вы с нею, всего в трех коленах разошлись. Кровь у вас с нею, почитай, одна, и родичи у вас общие.

– Знамо, близкие! – охотно подтвердил Федор. – Кто же о том не ведает?

– И крымские родичи общие... – подсказал боярин Зорин, подходя ближе.

– А как же! Само... – Федор Годунов запнулся, развернутые было плечи медленно пошли вперед, и он поправился: – Есть и в Крыму родичи, как без того?

– Те самые, к которым княгиня Соломония сына спроварила?

– Ничего о сем не слышал, – мотнул головой боярин, опять поникший, сгорбившийся, ставший меньше ростом и утративший остатки спеси.

– Половина Руси о том рассказывает, а ты не ведаешь? – рассмеялся Софоний Зорин. – Получше отговорки не мог придумать?

– До нашей глухомани слухи московские не добредают.

– Посмотри на себя, Федор Иванович! – подошел ближе к Годунову Басарга. – Ты же не просто худородный, ты всему роду своему завершение! О детях своих подумай. Какой удел им оставишь? Чем они кормиться станут, на какой доход в походы снаряжаться, в чем на службу выступать? Ведомо мне, сын у тебя растет, Борис. Сколько ему ныне? Пятнадцать, шестнадцать? Отчего не в новиках? Снарядить не на что? Ну, так скажи мне, боярин, каковую судьбу наследнику своему пророчишь? В смерды, в холопы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.